

МАРА ВУЛЬФ

КОЛЬЦО

18+

ОГНЯ

Мара Вульф
Египетские хроники.
Кольцо огня
Серия «Young Adult. Немецкие
фэнтези-бестселлеры Мары Вульф»
Серия «Египетские хроники», книга 2

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69010819
Египетские хроники. Кольцо огня: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-176459-3*

Аннотация

Я Нефертари, лучшая охотница за сокровищами. И на этот раз я осталась ни с чем.

Мне удалось вернуть Скипетр света бессмертным, как желал Азраэль, но Ангел смерти не сдержал обещания. Все, чего я хотела, согласившись на эту рискованную сделку, – спасти жизнь своего брата Малакая. Азраэль же мечтал вернуться в Атлантиду и жестоко обманул меня во имя этой цели. Мое доверие не стоило для него ни гроша. Теперь брат мертв, а мое сердце разбито.

Знай, ангел, я отомщу! Боги угрожают, что изгонят душу Малакая из рая, если я не разыщу для них новую реликвию,

Кольцо огня. Выбора нет, я снова ввяжусь в игру. Но с чего мне начать в этот раз и кому теперь я могу довериться?

Содержание

Азраэль	7
Тарис	34
Азраэль	61
Тарис	87
Азраэль	149
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Мара Вульф

Египетские хроники

Кольцо огня

Удача сопутствует храбрым.

*Для Флори,
который очень надолго задержал дыхание в
надежде, что за это я посвящу ему одну из своих
книг.
Сработало.*

Marah Woolf

Ring aus Feuer – AtlantisChroniken 2

*** * ***

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, админи-

стративную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2022 by Marah Woolf (www.marahwoolf.com),
represented by AVA international GmbH, Germany (www.ava-international.de)

Originally published 2021 by Marah Woolf, Germany

© Офицера И., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Азраэль

Душа Малакая уже ждет меня, когда я перехожу в потусторонний мир. За тысячелетия я привык к флюоресцирующему свету, запаху огня и пепла и вездесущей мельчайшей пыли. Но не к удушливому смраду обреченности, безнадежности и страха. Очевидно, он проник мне под кожу, забрался в сердце и отравил его. Иначе невозможно объяснить, как я мог поступить так с Нефертари, как мог не предупредить ее. Я соврал ей, отнял самое дорогое и сам себя за это презирал.

Молнии на горизонте расчертили серое небо, которое на самом деле никакое не небо.

– Готов? – спрашиваю у ее брата.

Стоит другим душам меня узнать, и гул голосов вокруг нас стихает. Я вооружен, в кожаном доспехе поверх рубашки и с мечом за спиной. Крылья демонстрирую открыто. Теперь, после возвращения прежнего статуса, они сверкают золотом. Я снова среди аристов, но мне абсолютно на это наплевать.

Малакай стоит на некотором отдалении и со скепсисом рассматривает лодку Махафа. Душа парня выглядит более здоровой, чем тело, и мне бы хотелось, чтобы Нефертари увидела его таким. Правда, легче ей от этого не станет.

– Не бойся.

– А я и не боюсь, – улыбается Малакай. – Со мной все

хорошо. Наконец-то ушла боль. Как держится Тарис? – Его лицо на миг омрачается чувством вины.

Не знаю. С тех пор как вышли из самолета, мы не обменялись больше ни словом. Нефертари лишь раз посмотрела на меня. В этом взгляде плескалось столько отчаяния, что я едва сдержал порыв обнять ее. Но как я мог утешить ее после своего предательства? Если когда-нибудь она узнает, что я наделал, лишь сильнее меня возненавидит. И в мое нежелание делать это она просто не поверит.

– Плохо, – отвечаю с небольшим запозданием. – Она очень по тебе скорбит.

Нефертари писала мне сообщения, но я до сих пор не ответил ни на одно из них. Я ей лгал. Снова и снова. Поэтому она заслуживает мужчину лучше меня.

Малакай внимательно наблюдает за мной.

– Она справится.

Звучит не слишком убедительно... а ведь он знает сестру гораздо лучше, чем я.

Надо было поехать вместе с ней в Пикстон-Парк. Но ощущение, будто хотя бы что-то в этой ситуации я сделал правильно, у меня появится только после того, как лично передам душу Малакай Осирису. Нельзя допустить, чтобы с ним что-то случилось во время перехода.

– Я постараюсь все ей объяснить, когда провожу тебя в поля праведников.

Малакай склоняет голову набок.

– Она не поймет. – Махаф разрешает войти в лодку, и вереница ожидающих душ делает несколько шагов вперед. – Тарис бы продолжала бороться. И она не умеет так легко прощать.

– Я знаю.

Все остальное просто не в ее характере. Если бы Малакай рассказал ей правду, мне бы сейчас пришлось полегче. Но изменить это уже невозможно, а мне Нефертари вряд ли поверит. Решит, что это очередная ложь.

На его лице отражается сожаление.

– Я не смог признаться ей, что не хочу больше жить. Тарис не поняла бы, в ней слишком много упрямства.

«Так и есть, и это одно из качеств, которые делают ее собой. Если Нефертари что-то вбила себе в голову, то добьется этого», – с тоской думаю я.

– Ничего страшного. Она бы просто попробовала тебя переубедить.

И наверняка у нее получилось бы. У нее всегда все получается.

– Прости, но у меня к тебе есть еще одна просьба.

А этот парень действительно смел.

– Какая? – спрашиваю резче, чем собирался. Две стоящие перед нами души оборачиваются и со страхом смотрят на меня.

– Держись от нее подальше, – медленно произносит Малакай. – Помогая тебе найти скипетр, она подвергалась се-

рьезной опасности. Не единожды. Если Тарис что-то для тебя значит, больше не впутывай ее в это дело. Пусть она спокойно предается скорби. У нее есть родные, которые о ней позаботятся. Тарис – не твоя проблема. Она смертная. Ты же, во-первых, будешь жить вечно, а во-вторых, если ваш план сработает, вернешься в Атлантиду. Не лучшие условия для начала отношений.

С точки зрения Малакая это вполне логичное требование. Единственно верное решение. Однако это его желание я не исполню.

– Сколько времени пройдет, прежде чем ты устанешь от нее? – безжалостно продолжает он. – Два года или три?

Или никогда? Такая идея ему в голову не приходит. А вот мне – да. Нефертари стала слишком много для меня значить, и я не хочу ее потерять.

– Рано или поздно ты разобьешь ей сердце, – заявляет ее брат. – Поставь точку сейчас. Тогда она справится с моей смертью и твоим обманом. Найдет себе достойного мужчину, познает счастье и состарится вместе с ним. С тобой это невозможно. Разделить будущее с тобой не только неразумно, но и опасно. В конце концов, это нечестно по отношению к Тарис. Она заслуживает собственной, настоящей жизни. Дай ей такой шанс.

– Лучше ужасный конец, чем ужас без конца, – задумчиво произношу я.

У этих слов ядовитый привкус. А вдруг он все-таки прав?

Может, поставить точку – самый разумный вариант для нас обоих?

Малакай кивает, однако то, что он заметил в моих глазах, кажется, его не убедило.

– Пообещай. Ты ведь понимаешь, что это правильно.

Я сжимаю зубы.

– Не волнуйся, мы больше ее не побеспокоим.

Как ни странно, этого Малакаю достаточно.

– Тогда я готов.

Остальные души уже заняли места в ладье. Выпрямившись, Махаф стоит на корме и выжидающе смотрит на нас.

– Так часто, как в последнее время, я не видел тебя уже лет триста, – замечает он, растягивая слова. – Вы садитесь?

Вместо ответа я забираюсь в лодку и направляюсь в носовую часть. Душа Малакая следует за мной. После того как мы садимся, он с серьезным видом осматривает все вокруг. Даже после смерти его душа остается такой же любознательной, как и при жизни.

Лодочник уже собирается отчаливать, когда на берегу внезапно начинает клубиться черный туман. Из него выходит Сет. Подобно мне, он в полном боевом облачении и выглядит таким же темным и холодным, как окружающий его мрак. От его шагов дрожит земля. Души тихо стонут и жмутся ближе друг к другу. Сет не обращает внимания на их страх.

– Пришло время навестить моего брата.

Сет никогда не страдал отсутствием смелости. На его месте я бы как можно дольше избегал Осириса.

– Конечно, – прочистив горло, испуганно бормочет Махаф.

В иерархической лестнице Сет стоит гораздо выше, и Махаф не вправе отказать ему в поездке, хотя, судя по виду лодочника, он бы с удовольствием так и сделал. Ладья опасно покачивается, когда Сет запрыгивает внутрь и мимо сидящих душ шагает прямо к нам.

– Я подумал, что тебе не помешает небольшая помощь, – сообщает он, останавливаясь рядом. – Апоп попытается тебя задержать. Он очень зол из-за души ребенка.

Змей – наименьшая из моих проблем. Но если Сет поможет доставить душу Малакая в поля, я не против. На самом деле Апоп все сильнее наглеет. Прежде Сет держал его в узде, возможно, ему и сейчас это удастся.

– Мог бы остаться еще на денек. Твоя сестра заслужила шанс попрощаться, – упрекает он Малакая.

Не помню, чтобы Сет хоть раз заступался за человека. Я удивленно выгибаю бровь, на что он лишь пожимает плечами. Вот и ответ, зачем он здесь: ради Нефертари. Осирис – просто предлог. С трудом подавляю тихий рык и закипающую внутри ледяную ярость.

– Я старался, – еле слышно оправдывается Малакай.

– Уйти, не прощаясь, было легче, да?

Сет и раньше отличался проницательностью в некоторых

вопросах. Как бы Малакай ни любил сестру, он все-таки оказался слишком труслив, чтобы сказать ей последнее «прощай».

Лодка плавно скользит по реке, и Сет следит за берегом. Несмотря на сумрак, окружающая картина выглядит мирно, хотя это всего лишь затишье перед бурей. Я рад, что он присоединился. Его присутствие воспринимается привычным и напоминает мне о былом. О том, в скольких битвах мы сражались плечом к плечу. До тех пор, пока мне не стало ясно, что боролись мы за абсолютно разные вещи.

– Ты знаешь имена демонов? – спрашивает Сет у Малакая, материализуя в руке железное копьё.

– Парочку, – подтверждает тот.

– Тогда произнеси их, когда демоны к тебе приблизятся. Имена дадут тебе власть над ними. Выкрикивай их, если понадобится.

– Попробую, – отважно кивает Малакай, но этот парень – не боец и далеко не так храбр, как Нефертари.

– Ты должен выжить в испытаниях Дуата, если собираешься попасть в поля, – добавляю я. – Если тебя проглотит Апоп, даже не знаю, как буду объяснять это твоей сестре.

Его душа становится еще чуть более прозрачной. Нефертари бы голову мне оторвала. Приходится сделать усилие, чтобы заглушить все мысли о ней. О том, как она меня целовала, как ее руки касались моей кожи, о том, каково это – быть в ней. У нас никогда не было шанса на нечто большее.

С каждой милей пейзаж вокруг становится все более унылым. К тому времени, когда начинаются холмы и, соответственно, владения Апопа, я полностью готов к битве.

– Я его отвлеку, а ты отведи Малакая в безопасное место, – предлагает Сет совсем как раньше, когда мы вместе продумывали план сражения. Только вот мы уже не молодые и неопытные парни из прошлого.

– Я не позволю тебе драться в одиночку.

Он явно пытается понять, почему я не принял такой вариант.

– Как хочешь, – кивает в итоге, заметив мое недоверие.

– Гора Баху, – выдыхает Малакай, прежде чем я успеваю предложить что-то другое.

Мало кому из душ известно название горы, поддерживающей небо, но в случае с братом Нефертари меня это не удивляет. Вспыхивает огонь Апопа, а затем он сам с головокружительной скоростью спускается по склону. Души в ладье визжат и хватаются друг за друга.

– Все будет хорошо, – обещаю я Малакаю. – Мы не допустим, чтобы он притронулся к тебе своими жадными лапами. – Или зубами. Они у Апопа из кремня, но лучше не упоминать об этом. Парень и так выглядит очень напуганным. – Если дела у нас пойдут плохо, Махаф наделит тебя магией, которая понадобится, чтобы продвинуться дальше. Это его долг. Опасность никуда не денется, но это повысит твои шансы в пути.

– Я в курсе, – говорит Малакай.

Тот же ответ дала бы мне Нефертари. Только она еще закатила бы глаза. Последняя мысль вызывает у меня улыбку.

– Подними паруса! – велит Сет лодочнику. – Нужно плыть быстрее.

Махаф неохотно выполняет команду, и ладья мчится вперед. Тем не менее шансов у нас мало. Когда Апоп достигает берега, текучий огонь превращается в змеиное тело. Разинув пасть, он принимается поглощать воду. Появляются и начинают вопить другие демоны. Многие из них не умеют плавать, но после осушения реки больше ничего не мешает им наброситься на лодку, чтобы разорвать души на куски.

При виде головорезов и пожирателей Малакай ахает. Все его знания об этом мире основаны на текстах, которые не способны передать реальный ужас. Демоны постепенно растягивают сети между небом и землей. Первые души ныряют за борт, и их уносит течением. Апоп пьет так быстро, что надолго им это не поможет. Рано или поздно придется выйти на берег, иначе окажутся прямо в его глотке. Некоторые выбирают на сушу и тут же попадают в сети.

Малакай останавливает душу какой-то женщины.

– Имя сети! – выпаливает он. – Они называют ее Всеобъемлющей. Запомни. Произнеси имя, и она разорвется.

Женщина благодарно кивает и прыгает в ил, обнажившийся после ухода воды. Увязая в нем по колено, она все же пробивается к берегу. Демоны на этой стороне пугают душу

не так сильно, как Апоп на другой.

Я одобрительно киваю Малакаю. Он готовился к этому моменту. Возможно, я недооценивал парня, как и его сестру. Лодка жестко садится на мель и одновременно опрокидывается на бок. Души, которые до сих пор ее не покинули, перелезают через релинги¹ и убегают.

– Мы вернемся, – обещаю я, вытаскивая меч из ножен на спине и расправляя крылья. – Оставайся на борту.

В окружающем пространстве царит какофония из визга и криков. Я взрываю в потемневшее небо. Единственный свет исходит от огненного тела Апопа, змеей извивающегося между бегущими. То, что он их пропускает, не сулит ничего хорошего. В воздухе свистит нож, однако прежде, чем он настигает Малакаю, я сбиваю его в небе одним взмахом крыльев. У обычных демонов нет шансов против нас с Сетом, а вот у Апопа есть. Парню нужно продержаться, пока мы не разберемся с ним. Сет рассказывал нам о пытках, о яде Апопа, который течет по его венам. Но, несмотря на это, он вновь добровольно вступает в схватку со своим вечным противником. Сет не обязан этого делать. Отмахнувшись от сомнений, я поднимаюсь в небо и непрерывно мечу молнии в тело Апопа. Тот вздрагивает, но не замедляется, упрямо направляясь к Сету, который сжимает в одной руке меч, а в другой – копье. Я оглядываюсь. Демоны карабкаются по стенке ладьи. Махаф стоит у руля, а Малакай по-прежнему

¹ Релинги – ограждения на борту судна.

на носу и без остановки бормочет что-то себе под нос. Я вижу страх на его лице, но парень верит в силу древних заклинаний, которые выучил наизусть, готовясь к этому моменту. Он сражается собственным оружием, и по округе громким эхом разносится:

Нет таких, кто знает меня или узнает.

Нет таких, кто хватает меня или схватит.

Мое пламя опалит ваши лица,
если вы обернетесь против меня.

Я повелеваю вами.

Вы подчиняетесь мне.

Это время пройдет.

Путь мне открыт.

И буду я избавлен от всякого зла!

Я пикирую на Апопа, тот щелкает зубами, пытаясь дотянуться до руки Сета, и одновременно ударяет меня хвостом. Прежде чем он меня раздавит, я уворачиваюсь, однако чешуйчатое тело задевает мой бок, разрывая кожаный нагрудник и рубашку. Рана обжигает тысячей огней. Яд Апопа скрыт не только у него в зубах, но и под чешуей. Я падаю в зловонную речную грязь, а когда снова поднимаюсь на ноги, воздух пронзает гневный крик Сета. Апоп схватил его зубами за ногу и мотает головой из стороны в сторону. Я вновь бросаюсь вперед. Сет потерял свой меч, и тот тонет в иле. Одним движением я приказываю ему вернуться к хозяину.

Потом подбегаю к Апопу и вонзаю собственный меч между его твердыми, словно железо, чешуйками. Оружие раскалывается от удара, но этого хватает, чтобы Апоп отпустил Сета и с шипением развернулся ко мне. Воспользовавшись моментом, Сет бросает копье в точку, где кремень, из которого состоят первые четыре метра змеиного тела, переходит в уязвимую часть. Происходящее сейчас я переживаю не впервые, поэтому, невзирая на боль, тут же раскрываю крылья. За считанные секунды оказываюсь возле опустившегося на колени Сета. Яд парализует его. Я поднимаю Сета на ноги... очень вовремя, поскольку Апоп выплевывает всю воду и проглоченные к этому моменту души. Мощная волна обрушивается на тех, кто сражается в русле реки. С Сетом на руках я взлетаю обратно на лодку, которая снова медленно выпрямляется. Но когда мы приземляемся, Махаф стоит на борту один.

– Где Малакай? – ору на него, небрежно сбрасывая Сета.

Тот перекачивается на спину и кашляет. Я внимательно осматриваю сначала опустевшие лавки, а затем бушующую воду. Приходится ухватиться за релинг, потому что ладья сильно раскачивается.

– Ушел, – отвечает лодочник. – Ему требовалось продолжать путь.

– Проклятье, – бормочу, толкая Махафа. – Ты хотя бы наделил парня магией?

Он совершенно спокойно поднимает парус.

– Конечно. Как ты приказал. Только на ней далеко не уйдешь. Я не верю, что у него получится.

Порываюсь схватить его за грудки, но вмешивается Сет. У него немного зеленоватый цвет лица. Дело либо в яде, либо в морской болезни.

– Не трать время. Лучше догоним его, – говорит Сет, указывая пальцем вверх.

В темном небе над нами кружит золотая тень, после чего раздается ястребиный крик.

– Он перевоплотился, – с облегчением и в то же время с удивлением догадываюсь я.

– Парнишка хорошо подготовился. – В словах Сета слышится уважение. – Если Нефертари обладает хотя бы половиной его знаний, то станет противником, которого нельзя недооценивать.

– Она нам не противница! – огрызаюсь я.

– Наверное, пока нет. – Бог поднимается на ноги, параллельно отряхивая грязь со свитера. – Она в курсе, что ты не планировал давать отсрочку ее брату?

Я стискиваю зубы.

– Тебя это не касается.

Пожав плечами, он тоже превращается в птицу. Отмечаю про себя, что организм Сета поразительно быстро справился с ядом. У его птичьего облика нет названия. Только Сет способен принимать такой, и души, которые опять забрались на борт, ожидаемо отшатываются от него. Репутация у него и

вправду не из лучших. Хотя вряд ли хоть одна из этих душ при жизни верила в богов. Однако некоторым из них известно, за что выступает Сет. На протяжении многих веков его обвиняют в болезнях, страданиях, мятежах, войнах, хаосе и разрушениях... и это учитывая, что три тысячи лет его нога не ступала в человеческий мир. Я никогда не оспаривал подобные обвинения и теперь подавляю в себе угрызения совести. Сет сам заработал такую славу.

Сидя на перилах, бог поворачивает голову в мою сторону. В форме птицы у него угольно-черное оперение, прямоугольные уши, вытянутая форма головы с изогнутым клювом и стреловидный хвост. После моего кивка он взмывает в небо и теперь летит перед золотым ястребом. Я следую за ними обоими. Мы направляемся к границе неба, за ней находятся врата, которые Малакаю необходимо пройти. Самая трудная часть пути у него еще впереди.

Мы летим, пока чары, с помощью которых он превратился в ястреба, не ослабевают. Малакай приземляется перед Вратами тьмы и перевоплощается обратно в человека. Врата охраняются двумя демонами в образе павианов. Надо было спросить, знает ли он их имена. Конечно, некоторые парню известны, но все же стоило убедиться. Если Малакай их не знает или назовет в неправильном порядке, то демоны разорвут его душу в клочья. Сет бросает на меня вопросительный взгляд, и я поджимаю губы.

«Нам нельзя всюду вмешиваться. Спасти душу ребенка –

это совсем не то же самое, что помогать взрослому мужчине. Ты не можешь нарушить все законы».

«С каких пор тебя волнуют наши законы? Вот и будешь потом все объяснять Нефертари», – язвительно откликаюсь я.

Малакай долго изучает взглядом павианов, и те начинают возбужденно подпрыгивать. Демонам не терпится наброситься на него.

– Я прошу впустить меня, – медленно произносит парень. – Слышащий, – колебавшись, добавляет он и пристально смотрит в глаза одному из павианов.

У меня вырывается вздох облегчения, когда одна створка ворот распаивается. Если сейчас Малакай верно назовет имя второго демона, первое испытание будет пройдено.

– Я пришел поклониться Осирису, Изменчивый, – с осторожностью говорит Малакай.

Сет сдержанно улыбается, когда открывается вторая створка. За вратами простирается огромное озеро, на поверхности которого полыхает пламя. Малакай инстинктивно отшатывается, но Изменчивый, ухмыляясь, подталкивает его вперед. В Дуате нет пути назад.

– Вода сжигает грешников и очищает праведников, – объявляет Слышащий и, судя по голосу, не может дождаться момента, когда сгорит душа Малакая.

Тот, немного помешкав, подходит к берегу и замирает. Жара здесь просто невыносимая.

– Можешь снова превратиться, – шепчет Сет так тихо, что оба демона не разберут слов. – Если знаешь заклинание.

– Делай выбор с умом, – еле слышно советую я. – У тебя всего одна попытка.

Малакай набирает полную грудь воздуха и громко декламирует:

Я чистота, вышедшая из полей.

Дайте же мне место в царстве мертвых.

Да окажусь же я рядом с повелителями вечности!

Я чистый цветок лотоса,

Возникший из сияющего света!

Тысячекратно время.

Едва закончив заклинание, он превращается в цветок лотоса, который падает на воду. Лучший выбор просто невозможно себе представить, хотя, учитывая огонь, он выглядит нелогичным. Малакаю предстоит довольно много испытаний, а каждое заклинание допускается использовать лишь единожды. Но сейчас языки пламени расступаются перед ослепительно-белым цветком, а течение уносит его к противоположному берегу.

– Менее храбрый человек предпочел бы другую форму, – отмечает Сет. – Как думаешь, ему нужна наша помощь, или мы можем поворачивать обратно?

– Его ждут еще шесть врат и Долина холмов. Но ты можешь спокойно уходить.

– Я собирался к брату, – напоминает Сет, Впрочем, мы оба понимаем, что это ложь.

Теперь мы следуем за душой Малака на некотором отдалении. Стражей следующих четырех врат он тоже узнает правильно и безо всяких проблем. Когда приходит время пересекать долину, парень перевоплощается в феникса, тем самым ловко избежав таящихся среди холмов угроз. С каждой пройденной милей во мне возрастают уверенность и надежда. Мне до безумия хочется поведать Нефертари, с каким умом и отвагой ее брат преодолел все испытания, а прежде всего о том, как рад он был избавиться от своей телесной оболочки. Оболочки, которая приносила ему только боль и страдания. В полях он станет свободен. А пока Малака предстоит пройти через предпоследние врата. Оттуда недалеко до зала суда Осириса.

Я настолько погружен в мечты о том, как буду рассказывать ей об этом, что не замечаю приближающуюся к Малака опасность.

– Аз! – орет Сет, но на парня уже обрушивается целая орда демонов.

Песочные альвы. Эти твари, живущие в двенадцати пещерах поблизости, сумели подкрасться незаметно. Искривленные тела песочного цвета делают их практически невидимыми. Малакай вскрикивает и извивается, когда до него дотягивается одно многорукое чудище.

В мгновение ока я ныряю в пике, хватаю двух мерзко пах-

нущих существ и отрываю их от парня. Он пошатывается.

– Беги! – рявкаю я, и тут вокруг моего горла сжимаются когтистые лапы.

Сет быстро достает меч и отрубает голову моему противнику. Из тела брызжет склизкая ядовито-желтая субстанция, с шипением прожигая кожу доспеха. Задыхаясь, я пытаюсь стряхнуть лапу. Пусть и не сразу, но в итоге с отвратительным хлюпающим звуком она отцепляется от моей шеи. Сет бросает мне свое оружие, а сам пронзает копьем одновременно двух демонов. Я убиваю еще трех, после чего оставшиеся с шипением и бранью отползают назад. Еще бы, мы лишили их ужина.

К счастью, я вижу, что Малакай спешит к чертогу. Но прежде чем парень до него добирается, прямо перед ним приземляется черный ворон.

– Проклятье, – бормочу я.

Только его нам не хватало. Похоже, каждый чертов демон в царстве мертвых охотится за Малакаем. Я утираю пот со лба, но на нем тотчас снова выступает испарина.

– Не стесняйся, говори громче.

Мы с Сетом одновременно поднимаемся в воздух.

Гегга – слуга мертвых, и он соблазнит Малакаю. Мы обязаны его опередить, иначе все потеряно. Не обращая внимания, успеваю ли за мной Сет, я лечу к чертогу так быстро, как только могу. Эта долина уже не такая унылая, как пустыня и холмы, которые мы миновали. На лугу, раскинушем-

ся перед Чертогом обоюдной правды, стоит богато накрытый стол, на краю которого сидит ворон, а Малакай протягивает руку за ягодой винограда. Глаза его жадно сверкают. Парень голоден и хочет пить, но не подозревает, что по-настоящему этого не ощущает. Это просто магия Гебги, которая должна заставить его что-то съесть.

– Нет! – кричу я, складывая крылья и падая на Малакаю.

Стол опрокидывается, и вкусные угощения превращаются в то, чем являются на самом деле: в фекалии и моче. Гебга с проклятиями улетает прочь, а Сет плавно приземляется рядом с нами. Он еле сдерживает ухмылку, когда, постаравшись подняться, я оступаюсь на скользких нечистотах. Мерзость. Кажется, теперь и за сотню лет не избавиться от этой вони. Меня едва не рвет.

– Я должен был догадаться. – Малакай выглядит не лучше меня. – Извини.

Сет все-таки негромко смеется.

– Ворон обманывал не только тебя. Радуйся, что Аз не безгливый, потому что лично у моего самопожертвования есть предел. – Бог взмахивает рукой, и облепившая меня тошнотворная жижа исчезает. – Но я бы все равно потом принял душ, – советует он.

– Умник, – бурчу я.

– Не за что.

Игнорируя нашу перебранку, Малакай поворачивается к последним вратам. За ними решится его судьба.

– Мы пропустим тебя, только если тебе известно наше имя, – вкрадчиво произносят воротные столбы прекрасными голосами, которые никак не сочетаются с тем фактом, что в случае неправильного ответа парня убьют.

– Ваше имя – Маятник Тота, – без колебаний отвечает Малакай.

– И какому богу мы должны о тебе сообщить? – еще более проникновенно спрашивают врата.

– Переводчику двух земель.

Сет тихонько присвистывает сквозь зубы.

– И кто же этот переводчик? – Последний вопрос врата задают с предвкушением. Ничто не радует их больше, чем душа, которая терпит поражение прямо у своей цели. – Хорошо подумай, прежде чем ответить.

– Это Тот, – спокойно откликается Малакай.

Едва он договаривает, врата распахиваются, и перед нами предстает Чертог обоюдной правды. Воротные столбы недовольно ворчат, потому что им приходится впустить парня.

Упомянутый бог уже ожидает на другой стороне. Тот смотрит сначала на Малакаю, затем на Сета и на меня. Людям, как правило, требуется немного привыкнуть к маске ибиса и длинному изогнутому клюву, однако Малакай они не пугают.

– Зачем ты пришел?

Опустившись на одно колено, брат Нефертари склоняет голову.

– Владыка времени и луны, всезнающий и блюститель закона, я пришел, чтобы заявить о себе.

– Каков ты? – начинает ритуальный допрос Тот, подобно мерцающему плащу окутывая парня своей божественной аурой.

Мы с Сетом не двигаемся. С этого момента наши силы и мечи уже не помогут.

– Я чист от всякого греха, – клянется Малакай. – Я держался в стороне от раздора, ненависти и мести. Доложи обо мне тому, чей потолок – вода, чьи стены – живые кобры и пол чей – пламя.

– Но кто это? – похожим на раскаты грома тоном вопрошает Тот.

Голос Малакая слегка дрожит, а в остальном он никак не показывает свой страх.

– Это Осирис.

Тот кивает медленно и одобрительно.

– Входи. О тебе будет объявлено. Предстань перед богами, которым ты служил на земле.

Поднявшись, Малакай поворачивается ко мне. На его лице читается тревога. Парень добрался сюда, и у меня не возникает сомнений, что он выстоит и перед Осирисом. Ободряюще ему киваю, а потом мы переступаем порог чертога.

В отличие от моего прошлого визита, сегодня тут собралось множество богов. Прошел слух, что одна душа отправилась в путь, а такое теперь редко кому удается.

Два бога рангом пониже вносят кресло и ставят его возле Осириса, который дает мне знак подойти к нему.

– Останешься с Малакаем? – интересуюсь у Сета, потому что нельзя игнорировать приглашение Осириса.

– Доверяешь мне спасти парня от моих братьев и сестер, если их не удовлетворят ответы на вопросы?

– На безрыбье и рак рыба.

Конечно, у него нет причин брать Малакаю под свою защиту, но Сет все равно это сделает. Хотя бы ради того, чтобы позлить Осириса. Эти двое всегда терпеть друг друга не могли, и дело не только в Сете. Осирис самоуверен и тщеславен. Никто в здравом уме не пожелал бы себе такого брата. Увы, родственников не выбирают. А вот друзей – да.

– Ступай спокойно! – без раздумий говорит Сет. – Я останусь с ним.

– Спасибо.

Пока я шагаю к Осирису, присутствующие боги с любопытством наблюдают за мной и шепчутся. Вряд ли найдутся более болтливые создания.

– Скипетр вернулся, это хорошо, – переходит сразу к делу Осирис. – Мы с Исфафилом знали, что она его отыщет. – Больше, чем хорошо, и это он тоже знает. – Но нам нужно поговорить об остальных регалиях.

– По поводу их исчезновения Тоту тоже есть что сказать? – резче, чем собирался, интересуюсь я.

– Тот немного дуется, – сообщает Осирис, наклонившись

ко мне. — Он полагал, что ты не восстановишь свой ранг, пока не вернешь ковчег и все регалии, однако у скипетра, очевидно, другое мнение на этот счет.

— Он не сорвет злость на Малакае?

— На мальчишке нет, а вот на девочке — возможно. — Бог смотрит на меня с неприкрытой угрозой, но я не реагирую. — Кто знает, что творится в его умной голове? — Таким образом он пытается намекнуть, что не доверяет Тоту? Безусловно, случай с ремнем в высшей степени подозрителен, но он никогда не стал бы действовать против воли Осириса. — Кажется, вы с Сетом опять нашли общий язык? — У него на лице появляется фальшивая улыбка. — После стольких лет он наконец-то смирился со своим местом, так?

Местом под пятой брата? Неужели Осирис и в самом деле надеется, будто изгнание сломило Сета? Ни на миг в это не поверю.

— Нам просто было по пути.

Осирис выгибает бровь.

— Давай покончим с испытаниями. Скажи нам, человек, ты согрешил? — неожиданно грохочет в воздухе его голос, и все разговоры стихают.

Боги поворачиваются к Малакаю. Я становился свидетелем подобного зрелища чаще, чем хотелось бы, но так и не понял, что им интереснее: испытывать виновного человека или невинного? Видимо, это зависит от их настроения и немного напоминает спектакль в римском Колизее во вре-

мена Нерона.

– Я не совершал преступлений и сознательно не лгал, – отвечает Малакай. – Даруй мне милость служить тебе, Осирис. Я хочу восхвалять тебя, хочу сокрушать твоих врагов и бок о бок с Гором отправиться за тебя на войну.

Самодовольно кивнув, Осирис взмахом ладони дает знак Маат исполнить свои обязанности. Помогающий ей Анубис выносит весы. Безо всякого предупреждения Маат запускает руку в грудь Малакай и достает его сердце. Парень даже не меняется в лице, лишь вздрагивает, когда поднимается Амаат. Зверь склоняет набок крокодилью голову, и с острых клыков на ее львиные лапы начинает капать слюна.

Вытащив из волос перо, Маат кладет его на одну чашу весов, а сердце – на другую. Какое-то время они раскачиваются вверх-вниз. Перевешивает то первая, то вторая, пока сторона с пером окончательно не опускается вниз. Слышно только скрежет пера, когда Тот записывает результат.

– Сердце безгрешно, – громко и честно провозглашает он всем собравшимся. – Перед вами стоит праведник.

Зал взрывается аплодисментами, слуги подают пиво, хлеб и фрукты. В начавшейся суматохе я встаю и направляюсь к Малакаю, который выглядит слегка потерянным.

– У тебя получилось. Нефертари будет очень горда за тебя и счастлива.

Мы оба понимаем, что последнее – ложь.

Присоединившаяся к нам Исида обводит парня внима-

тельным взглядом, на что он лишь почтительно склоняет голову.

– Можешь выбрать, как проведешь свою вечную жизнь. Если хочешь, я отведу тебя к Ра. Он с удовольствием примет тебя в качестве спутника в своих солнечных путешествиях.

– Мне бы хотелось сначала навестить родителей в полях Иалу, – осторожно произносит он. – Конечно, если они там. А после этого я с радостью готов служить Ра.

Сет тихо покашливает. Я не заметил, как он подкрался. Никто не противится предложениям Исиды. Малакаю это известно, и все-таки ему хватает смелости это сделать.

– Что ж, хорошо. Тебе решать, – хмыкает она. – Я лично провожу тебя к ним.

– Спасибо. Значит, время пришло, – обращается парень уже ко мне. – Пора прощаться.

– Ты отлично справился. – Я пожимаю ему руку и коротко обнимаю.

– Передай моей сестре, что я ее люблю, и помни о своем обещании. Не давай ей надежду на то, чего она не получит. Я уже совершил такую ошибку.

– Даю слово. Удачи.

Развернувшись, я ухожу. Сет за мной не следует, и когда я оглядываюсь, обнаруживаю, что он стоит рядом с Осирисом. Я до сих пор теряюсь в догадках, почему он помог мне защитить Малакаю, но было приятно знать, что Сет сражается на моей стороне.

«Еще кое-что, – слышу голос Осириса у себя в голове и останавливаюсь. – Ты заставишь девчонку найти другие религии».

«Нет!» – сердито развернувшись, рявкаю в ответ.

Бог даже не встает, как ни в чем не бывало продолжая болтать с Сетом.

«Я в любой момент могу изгнать ее брата с полей, если тебе так угодно. И не особенно полагайся на собственное положение. Рискнешь им еще раз, и лишишься уже навсегда».

Я знал, что он ничем не лучше своего брата. Две змеи из одного гнезда. Больше всего мне хочется броситься назад и отсечь ему голову. Да как он смеет мне угрожать! Видимо, Осирису не дает покоя тот факт, что в совете снова четыре высших ангела, притом что место Чаака пустует уже много веков. Четыре ангела, три бога и один джинн – так богам станет гораздо сложнее продвигать свои интересы. Именно поэтому в свое время он требовал лишить меня статуса. А еще из-за моей дружбы с Сетом. Нужно здесь и сейчас напомнить ему, кто я такой.

«Обуздай свой гнев», – вмешивается Сет, и одновременно я ощущаю на себе взгляды Исида и Тота. Здесь царство Осириса. Очевидно, меня разрубят на куски и разбросают их по полу чертога еще раньше, чем я до него доберусь. Он заплатит за эту угрозу, но не прямо сейчас. Малакай прав: я должен защитить Нефертари от себе подобных. От жизни она

заслуживает большего, чем и дальше быть нашей разменной монетой.

Тарис

Малакай не умер. Просто не мог умереть. Только эта мысль держит меня на ногах, когда вместе с Кимми я вхожу в здание аэропорта. Она проводит меня через паспортный контроль, в то время как Гор и Сет занимаются багажом. Я с такой силой стискиваю мобильный, что начинает болеть рука. Снова и снова сверлю взглядом дисплей, как будто мое подсознание надеется, что с него пропадет сообщение Гарольда:

«Это случилось. Он ушел первым. Возвращайся домой. Мне бесконечно жаль».

Ушел первым? Если Гарольд хотел как можно мягче преподнести мне новость о смерти Малакай, то с треском провалился. Тетя Фиона и дядя Джордж тоже мне написали, но я не собираюсь открывать их сообщения.

Мой брат не мертв. Мы с Азраэлем заключили сделку, и я выполнила свою часть соглашения. Какая-то важная мысль пытается пробиться на поверхность, однако каждый раз, когда я порываюсь за нее ухватиться, она вновь ускользает. Наверняка дело в том, что в душе я чувствую себя так, словно Маат вырвала сердце у меня из груди и положила его на свои чертовы весы. Разве я не сделала бы что угодно, лишь бы предстать перед богами на суде мертвых вместо него? Не

потому, что считаю, будто мое сердце окажется легче, чем сердце Малакая, нет. Просто мне хотелось, чтобы он провел больше времени среди живых. Чтобы однажды всем сердцем полюбил какую-нибудь девушку. Чтобы у него родились дети. Я искренне желала, чтобы исполнились все его мечты. А вместо этого последние годы брат был прикован к кровати и рассчитывал на то, что я буду жить за нас обоих.

Кимми ведет меня, словно сомнамбулу, к машине, которую прислал дядя Джордж. Когда я сажусь, кто-то укрывает мне ноги пледом.

– Ты дрожишь.

Сет касается ладонью моей щеки, и сквозь меня прокатывается волна тепла. Вот только до сердца ей не добраться. Мне ужасно холодно.

– Он же не умер, правда?

Вместо ответа Сет отводит мне волосы с лица. Обо мне заботится он, а не Азраэль, и это значит, что ангел пытается привести все в порядок. Вероятно, что-то пошло не так. Я благодарно киваю Сету. Он захлопывает дверцу автомобиля, и лимузин трогается.

Нужно довериться Азраэлю. Я нашла скипетр. Мы занимались любовью и не один раз. Он знает: Малакай – все для меня. Он – все, что у меня осталось. Без своего брата...

Из горла рвется всхлип, но прикусив губу, я его сдерживаю. Кимми берет мою ладонь в руки и мягко сжимает. «У нее есть брат, но он ничуть не ценит свою сестру. Почему он

должен жить дальше, а я теряю своего?» – думаю я и тут же пугаюсь столь страшной и злой мысли.

Остаток пути проходит как в тумане. Я изо всех сил цепляюсь за надежду, что это ужасная ошибка. Все остальное просто невысказано. Поэтому я беру себя в руки и придумываю объяснение для выздоровления Малакая, когда Аз вернет его душу. Мой брат – не первый человек, которого по недоразумению объявили мертвым.

Когда мы приезжаем в Пикстон-Парк, уже темно, но подъездная зона и вход ярко освещены. Дядя Джордж, тетя Фиона и Гарольд ждут нас перед домом. Все трое в черной одежде. Тетины глаза покраснели от слез. Дядя Джордж выглядит постаревшим, а Гарольд, пусть и одет, как всегда, безупречно, не может скрыть боль во взгляде. Тетя Фиона обнимает меня и начинает плакать. Дядя Джордж ласково гладит меня по спине. Я же до сих пор запрещаю себе мириться с невысказанным.

– Можно мне к нему? – дрожащим голосом спрашиваю у Гарольда, отстранившись от тети с дядей.

Внутри я словно полностью онемела. Стараюсь ничего не чувствовать: ни надежду, ни горе. Нужно все исправить. Я всегда все исправляю. Это моя работа.

Обнимая за плечи, Гарольд ведет меня по коридорам нашего дома. Тут так тихо, словно скорбит все вокруг.

– Он спокойно уснул вскоре после того, как получил твое сообщение, – тихо рассказывает Гарольд.

– Ты был с ним, когда... – Мне не хватает духу закончить.

– Я и Селкет, – кивает дворецкий. – Еще твои тетя и дядя.

Он не оставался один.

Я плотно сжимаю губы. Мне следовало быть дома. Здесь и нигде больше.

– Он улыбался и очень тобой гордился. Он всегда тобой гордился и ничего не желал сильнее, чем твоего счастья.

Его слова едва не ломают меня, хотя призваны утешить. Но это значило бы, что я приняла факт смерти Малакая, а я не могу.

– Знаю.

Голос у меня ломается, потому что я открываю дверь. Я хочу к брату, но все же делаю шаг назад. Мне навстречу устремляется холодный воздух. Эта комната для меня как родная, но сейчас атмосфера кардинально отличается от той, в которую я обычно возвращаюсь домой. Свет выключен, горит всего пара свечей. Отсюда как будто ушла вся жизнь. Я ощущаю смерть, ее дыхание гладит меня по оголенным участкам кожи. Я неуверенно приближаюсь к постели, на которой покоится тело Малакая. Гарольд закрывает за мной дверь. Приходится собрать все силы, чтобы не упасть на колени и не свернуться клубочком на старом персидском ковре. Поскуливание Селкет окончательно разбивает мне сердце. Передо мной холодное тело брата. Наша собака охраняет его, ни на секунду не выпуская из виду. Гарольд обмыл Малакая и переодел в свежую одежду. Его пепельно-русые

волосы аккуратно причесаны, а очки лежат на тумбочке. Он как будто спит. Лицо почти такое же белое, как простыня. Я беру его холодную ладонь и глажу сухую кожу. Потом присаживаюсь на край кровати и прижимаю пальцы к своей щеке. Его нужно согреть. Когда Азраэль вернет его душу, брат не должен быть таким ледяным. Гарольду следовало его накрыть. Почему я не дала ему четких указаний? Почему не обсудила с Азом, как мне себя вести? Вместо того чтобы целоваться и спать с ним, надо было спросить, что мне делать. В сердце словно врезается кулак. Что я упустила? Где Азраэль? Почему так долго? Я достаю теплое одеяло из шкафа и накрываю Малакая. Потом ерошу его волосы и начинаю ждать. Увижу ли я его душу, когда та вернется, или он просто распахнет глаза? Наверняка у брата очень красивая душа. Эта мысль заставляет меня улыбнуться. И я не оставляю надежду. Азраэль обещал, и я ему верю.

За окном уже занимается утро, когда я тянусь за лежащим на тумбочке мобильником Малакая. Веки горят. Я их не смыкала, не желая пропустить момент возвращения брата. Свечи погасли, и тусклый утренний свет обнажает передо мной правду, которую я отказываюсь воспринимать. В кровати лежит всего лишь бездушное тело. Оболочка, больше не имеющая ничего общего с моим братом. В какой-то момент ночью Гарольд принес мне чай и немного печенья, но я не притронулась ни к тому, ни к другому. Разблокировав телефон, ищу номер Азраэля. Слышу длинный гудок, одна-

ко он не берет трубку. Но я все равно дожидаясь включения голосовой почты.

– Аз? – Собственный голос кажется мне чужим. – Где ты? С тобой все в порядке? Что-то случилось?

Жду пару секунд и отключаюсь.

Сходя с ума от беспомощности, отправляю то же самое текстовым сообщением, но возле него появляется всего одна галочка. Не доставлено. Несмотря на туман, продолжающий сгущаться в голове, я пытаюсь сосредоточиться. Уже очень давно я настолько не нуждалась в чьей-то помощи, как сейчас. Мне нужен Азраэль, здесь, рядом. Пусть обнимет меня, пусть объяснит, почему наш план не сработал. Я отчаянно жажду утешения.

Пусть Кимми позвонит Гору. Вдруг Азраэлю требуется помощь. Возможно, Осирис отказывается отпускать душу Малакая обратно. Или она попала в лапы Апопа. Я не могу потерять еще и Азраэля. Никто не рассчитывал, что Малакай умрет, пока мы будем сидеть в самолете. Видимо, это сильно усложняет его задачу.

Открывается дверь, и заходит тетя Фиона. Приблизившись, она ласково гладит Малакаю по волосам.

– Он был таким славным мальчиком, – шепчет тетя, и на простыню капает слезинка. – Ты наверняка вымоталась. Тебе надо немножко поспать. Следующие дни и без того будут очень тяжелыми. Мы обо всем позаботимся.

– Я хочу остаться с ним. Можешь прислать ко мне Кимми?

Пожалуйста, попроси ее принести мой телефон. Он, скорее всего, валяется где-то в машине.

– Конечно.

Как ни странно, тетя не спрашивает, зачем мне понадобился мобильный. Никогда бы не подумала, что буду бояться чего-то сильнее, чем смерти Малакая, но чем больше проходит времени, тем сильнее я переживаю за Азраэля. Высшие ангелы снова заполучили скипетр. Что, если теперь Азраэль им не нужен? Вероятно, они видят в нем конкурента. Исафил – не самая приятная личность, не знаю уж, что Данте в нем нашел. Они что-то с сделали с Азраэлем? *Они* помешали ему вернуть душу Малакая?

Раздается тихий стук в дверь. Войдя в комнату и увидев лежащего на кровати Малакая, Кимми всхлипывает. Я встаю и обнимаю кузину. Вчера я позволила ей позаботиться обо мне, но сегодня снова пора стать сильной. Борьба за брата еще не окончена, даже если придется лично идти к Осирису.

– Твой мобильный, – говорит Кимми, вытерев слезы со щек.

Снимая блокировку, я надеюсь найти сообщение от Азраэля, но меня ждет разочарование. Никто из бессмертных не звонил и не писал. Можно подумать, что мне просто приснились последние несколько дней.

Египтяне верили, что в человеке заключено шесть сущностей. Среди них три смертные: телесная оболочка – *Хат*; его имя – *Рен*; и тень – *Шуит*. Далее шли три духовные, бес-

смертные. *Ка* обеспечивало человека питанием в загробной жизни. *Ба* считалось частью сердца и покидало тело после смерти, но могло возвращаться, если узнавало свое тело. Однако для этого оно должно сохраниться. Вот почему египтяне придавали такое значение мумификации. Но *Ба* являлось еще и личностью человека. В течение дня оно имело возможность навещать живых в образе птицы. Когда *Ка* и *Ба* окончательно умирали, обе эти части сливались в *Ах*, и только тогда вечная душа отправлялась в царство богов. Некоторые египтяне даже заходили настолько далеко, что верили: абсолютно чистое *Ах* превращалось в звезду. В случае с Малакаем я этого не допущу. Он достоин большего, чем столь короткая жизнь.

Всхлипывания Кимми постепенно затихают.

– Если бы только мы нашли скипетр на день раньше... тогда ты бы успела еще раз увидеть его живым. И могла бы попрощаться. – Она осекается. – Я не представляю, что сказать.

Только вот я не стала бы прощаться, потому что не ожидала, будто Малакай...

Все это бесполезные мысли. Прошлого я изменить не в силах, только будущее.

– Гор тебе писал?

– Да, – быстро кивает она. – Узнавал, не нужно ли мне чего-нибудь. Хотела бы я, чтобы он приехал сюда с нами.

– Он говорил что-нибудь про Азраэля? – нетерпеливо интересуюсь я.

Кимми медленно качает головой.

– Как думаешь, мы еще с ними увидимся?

– Не знаю, – отвечаю напряженно. – Пожалуйста, напиши Гору, чтобы Азраэль со мной связался. Это важно. Напишешь?

– Конечно. Может, они смогут приехать на похороны? Было бы хорошо, да?

Хорошо? Она серьезно? Не будет никаких похорон.

– Пожалуйста, напиши Гору.

Эти три слова звучат так, будто я ее выгоняю... хотя так и есть. У меня больше нет сил держать себя в руках. Хочется что-нибудь сломать, как жизнь ломает меня. Как она ломает все, что для меня важно. Вероятно, я не заслуживаю лучшего. Меня не назовешь хорошим человеком. Не стоило огрызаться на Кимми, но сейчас у меня не выходит иначе. Мне едва удастся сохранять самообладание.

Кузина бледнеет еще сильнее, чем до визита сюда, и со слезами покидает комнату. Наблюдай эту ситуацию Малакай, он бы меня отчитал. Он всегда был гораздо более понимающим, чем я.

«Что случилось? – печатаю я в телефоне, как только захлопывается дверь. – Ответь что-нибудь. Пожалуйста. Я волнуюсь».

Появляются две серые галочки. Ну хотя бы доставлено. Без понятия, прочитает ли он это сообщение, но я упорно пишу еще одно и еще. Так много, что, кажется, уже стерла

пальцы.

Потом сворачиваюсь калачиком в изножье кровати. Сколько раз я лежала здесь и ждала, пока Малакай проснется! Охраняла его сон. Селкет, которая много часов неподвижно лежала на полу, запрыгивает на постель и прижимается ко мне. Только ощутив тепло ее тела, я осознаю, насколько замерзла. Меня трясет, а я до сих пор этого не замечала. Когда собака кладет лапу мне на бедро, я сдаюсь. Наверное, так бывает, когда прорывает дамбу. Я начинаю горько плакать и не могу остановиться. Мой брат мертв уже двадцать четыре часа. Азраэль не явился. Он не привел обратно душу Малакай. Мой брат не очнется. На этот раз нет. Я рыдаю так сильно, что у меня начинает болеть грудь. Видимо, произошло что-то, помешавшее ангелу выполнить свое обещание. Если он не идет ко мне, то я отправлюсь к нему. Наверняка случилось нечто ужасное. Иначе почему он не связался со мной и не приехал? Между нами зародилось нечто особенное, и я не хочу от этого отказываться. Пока нет.

Идет сильнейший ливень, а я проезжаю милю за милей. В моем нынешнем эмоциональном состоянии глупо садиться за руль в такую погоду. И хоть сейчас только середина утра, светлее не становится. Дворники едва справляются с потоками дождя. Было непросто стащить ключи от машины, незамеченной ускользнуть из дома и уехать. Теперь я уже сомневаюсь, что это хорошая идея. На скользком асфальте авто-

мобиль то и дело заносит в стороны, и мне с трудом удается вовремя его выровнять. Вцепившись в руль, я стараюсь держиваться своей полосы. Усталость замедляет реакцию, и не раз меня чуть не выбросило с дороги. Сдерживаю слезы, ведь если начну плакать, придется остановиться, а я этого не хочу. Я хочу к Азраэлю. Он мне нужен. Непросто признаться себе в этой потребности, но с новой потерей мне не справиться в одиночку. Наверняка имеется какое-то логичное объяснение, почему он не сумел спасти Малакая. Чем дольше я еду, тем больше меня страшит будущее.

И только когда я торможу перед домом ангела в Белгравии, этот страх пропадает. На улице темно, поэтому в большинстве окон горит свет. Меня накрывает волной облегчения. Неважно, как Азраэль все объяснит, от того, что я просто буду рядом с ним, мне уже станет чуть легче.

Выхожу из машины и бегу к входу. Расстояние до двери совсем небольшое, но его хватает, чтобы я вымокла до нитки. Волосы липнут к лицу, и я стираю капли дождя со щек, прежде чем постучать.

Проходит немного времени, и мне открывает Энола. Лучше бы Гор. Ее удивленный и пренебрежительный взгляд не сулит ничего хорошего. А я надеялась на огонь в камине, горячий чай, плед и объятия.

– Почему ты не в Сомерсете? – буквально выдавливает из себя пери. На ее лице отражается неуверенность. – Ты одна сюда приехала? В такую погоду? В таком состоянии?

– Азраэль здесь? – спрашиваю я вместо ответа. – С ним что-то случилось?

Энола – последняя, кому мне хотелось бы показывать, как сильно я в нем нуждаюсь.

– Он... внизу. В игровой, – помешкав, отвечает она. – Но тебе нельзя...

Прежде чем пери успеваает меня остановить, я протискиваюсь мимо и радуюсь, что в итоге она меня не удерживает. Последний раз я заходила в ту комнату после того, как нашли убитого посыльного.

Я быстро сбегая вниз по лестнице. И чем ближе оказываюсь к комнате, где мы обнаружили зацепку на поясе, тем сильнее меня тошнит. Что мне сейчас предстоит увидеть? Снова мертвеца?

Ответ приходит быстрее, чем мне хотелось бы. Когда я открываю дверь, меня встречают смех и запах сигарет. Я замираю как вкопанная. Длинноногая блондинка в очень короткой юбке, перегнувшись через бильярдный стол, неловко бьет кием по шару. Я узнаю ее только после того, как девушка выпрямляется и поворачивается ко мне. Это одна из подружек Адрианы, которая недавно приезжала с ней в бар в «Rosewood». Азраэль беззаботно смеется, но смех смолкает, стоит ему заметить меня. При виде него я сглатываю. Расставив ноги, он сидит в одном из удобных кресел. В одних штанах и шелковом халате с восточным узором, который так расходится наверху, что обнажает татуировки на его груди.

Еще вчера я не могла оторвать от них рук. Волосы у ангела взлохмачены. Позади него стоит Адриана, с собственническим видом положив руку ему на плечо.

Лишившись дара речи, я просто смотрю на него и чувствую, как внутри у меня все превращается в лед. Я рассчитывала на что угодно, но не на такое. Неужели это тот же мужчина, который несколько часов назад сжимал меня в объятиях и шептал обещания? Мужчина, которому я доверила свое сердце и свою жизнь? Я моргаю, но картинка не исчезает. Это не фата-моргана² в бескрайней пустыне, а реальность. Моя душа и так уже напоминает открытую рану, не думала, что тело может добавить еще больше боли. Но именно так и происходит. Сердце болит, как будто в него вонзили кинжал. Я надеялась, что Азраэль где-то борется за возвращение души Малакая. Переживала за него. Боялась, что он подвергает себя опасности из-за данного мне обещания, потому он меня...

Поверить не могу, что повела себя столь глупо и наивно. Внезапно я осознаю все с предельной ясностью. Он и не собирался отвечать на мои сообщения или приходить ко мне. Я выполнила свою задачу и больше ему не нужна. Ангелы вернули себе скипетр, а Азраэль – ранг. По возвращении в Атлантиду он займет свой трон среди аристов. Что по сравне-

² Редко встречающееся сложное оптическое явление в атмосфере, состоящее из нескольких форм миражей, при котором отдаленные объекты видны многократно и с разнообразными искажениями. Свое название получило в честь волшебницы – персонажа английских легенд феи Морганы.

нию с этим значит какая-то человеческая жизнь? Что значит *моя* жизнь? Мое счастье? Ничего. Абсолютно ничего. Такое ощущение, что кто-то сдернул пелену, под которой скрывалась истина. А ведь мне стоило догадаться раньше.

По-прежнему застыв в дверях и не в силах пошевелиться, я вспоминаю, как он стоял на трапе, после того как мне пришло сообщение о смерти Малакая. Азраэль не сдвинулся с места. Не обнял меня и не попытался успокоить. Просто прошептал: «Мне очень жаль», – а я-то надеялась, будто он что-нибудь предпримет. Только вот он и не планировал спасти душу моего брата. Ангел меня использовал. Черт возьми, все это время он просто со мной играл. Гнев сжигает меня дотла, когда я осознаю масштабы обмана. Его обещание было всего лишь приманкой, а я – временной заменой. Возможно, потому, что Адриана не полетела с нами в Египет. Или потому, что меня вышло так легко заполучить.

Пошатнувшись, я вынужденно хватаюсь за дверной косяк. Краем глаза замечая, как Гор делает едва заметный шаг в мою сторону, но застывает. Впиваюсь пальцами в дерево. Я не упаду, хотя ноги, кажется, вот-вот подогнутся.

– Нефертари. – Азраэль произносит мое имя так, словно я чужая. В его тоне больше нет тепла и близости. Этого строгого, отталкивающего мужчину, который подается вперед, упирается локтями в бедра и свешивает ладони между коленей, я раньше не встречала. – Что ты здесь забыла? Разве твое место не рядом с родными?

– Ты сказал, что пощадишь его, – дрожащим голосом говорю я, еще не готовая сдаться. – Мы заключили сделку, и это моя награда.

Плевать, если обе девушки посчитают меня сумасшедшей. Они меня не волнуют.

– Я соврал. – Он твердо смотрит мне в глаза. – Исполнить то обещание не в моей власти. Душа сама определяет собственную судьбу. Я лишь ее проводник. Малакай должен был попросить об отсрочке, но он этого не сделал, пожелав уйти.

Вместо крови по моим венам начинает течь ледяная вода – такой холод охватывает меня после его слов.

– Тогда зачем ты вообще обещал?

Гор облокачивается на бильярдный стол. Он босиком, в рваных джинсах и мятой футболке. Пучок завязан неаккуратно, а в глазах читается жалость. Пусть оставит ее при себе. В этот момент я его ненавижу. Я ненавижу их обоих. Они знали. Прикидывались моими друзьями, но вовсе не были ими. Только Энола никогда не притворялась. Просто смешно, что пери – единственная бессмертная, которая не скрывала своего пренебрежения к нам, людям.

Хотя еще совсем недавно намеревалась сделать все, чтобы заставить Азраэля вспомнить о своем обещании, сейчас я отказываюсь от идеи упасть перед ним на колени. Я буду не умолять, а требовать.

– Разве это не очевидно?

Из-за скипетра. Ради этого он поклялся бы достать мне

звезду с неба.

– Но ты обязан выполнить условия договора.

Со скучающим видом он подносит к губам бокал, и я буквально вижу, как вино стекает по ангельскому горлу. Будь у меня оружие, я бы его перерезала, но в спешке забыла дома нож. Его глаза сверкают, словно Азраэль читает мои мысли, и они его забавляют.

– Его душа была готова уйти навсегда. Я давал ему время. В течение сорока дней он мог попросить об отсрочке, – объясняет он медленно, словно несмышленому дитя. – Он этого не сделал. Не захотел оставаться.

– Ты лжешь.

Адриана скользит ладонями по его груди, и ангел ее не останавливает, когда ловкие пальцы проникают под полы халата. Ясно, чем они займутся, стоит избавиться от меня. Чувствую тошноту. Если бы я хоть что-то ела, меня бы вырвало прямо здесь. С чего я вообще взяла, что мои желания что-то для него значат? Потому что я легла с ним в постель? Наверняка Азраэль посмеивался про себя. Были сотни таких же женщин до меня и будут после. Адриана тоже одна из многих, даже если считает себя особенной, потому что он выбрал ее.

Я снова ловлю на себе еще более сочувствующий взгляд Гора. За спиной тихо покашливает Энола, словно требуя удалиться. Мне здесь больше не рады. На самом деле и говорить-то больше не о чем. Я проиграла. Я все потеряла.

– Ты не передумаешь, если я отыщу тебе кольцо и корону? Тогда ты вернешь его?

Ледяная маска дает трещину, и Азраэль шокированно смотрит на меня. Он мог бы, мы оба это знаем.

– Речь шла только о скипетре, – говорит он после секундного колебания. – Мы больше не нуждаемся в твоих услугах. Езжай домой. – Однако теперь его голос звучит уже не так уверенно.

– Чтобы вернуться, вам потребуются все три регалии. Позволь мне попробовать, – все-таки умоляю, и мне стыдно за саму себя.

– Без помощи брата у тебя ничего не получится. Ты сама так сказала. – Оторвав от меня взгляд, он сбрасывает с себя жадные руки Адрианы и встает. – Отправляйся домой.

Мне изначально не следовало доверять ангелу, и я не позволю ему так просто нарушить свое слово. Брат был моей лучшей половиной, а теперь на кровати лежит его тело, холодное и окоченевшее. Азраэль прав: Малакай больше никогда не будет помогать мне искать пропавшие артефакты. Больше никогда не будет поддерживать меня, придавать мне сил. Из нас двоих он был лучшим. Более терпеливым, добрым и проникательным, чем его доверчивая младшая сестра. Как мне продолжать без брата? Ради чего мне вставать по утрам и ради чего бороться?

– Оплакивай брата, как полагается, а потом...

От подобного приказа меня переполняет ярость. Оттолк-

нувшись от дверного проема, я в три шага оказываюсь возле него. Усталость и грусть испарились. Я никогда не считала себя мстительной, но ошибалась. Только в самые худшие моменты жизни узнаешь правду о самом себе. Следующие слова раздирают мне горло, будто наждачной бумагой, но все же я их произношу:

– Возможно, Малакай был готов к иному миру. Возможно, он желал уйти. Но я не готова была его потерять. Ты давал мне обещание, и поэтому теперь я дам тебе свое. – Не обращая внимания на Адриану, я задираю подбородок. – Я найду две другие регалии и уничтожу их. Сделаю все, чтобы твое заветное желание не исполнилось, ангел. Сколько бы лет ни прошло, ты никогда больше не увидишь Атлантиду. Никто из вас не увидит!

Его губы складываются в жутковатую улыбку.

– Ты мне угрожаешь? Не будь смешной. В одиночку тебе не справиться с тем, что ранее не удалось бесчисленному множеству бессмертных. Отправляйся в Сомерсет. Выйди замуж и роди детей. Забудь про регалии и забудь про нас. Не трать свою короткую жизнь на войну, в которой не сумеешь победить. – Голос Азраэля так холоден, что Адриана вздрагивает, хотя слова адресованы не ей. – Энола, отвези Нефертари в «Rosewood». В такую погоду она не поедет обратно.

Пери шагает ко мне и берет за руку чуть выше локтя.

– Идем. Тут тебе больше нечего искать.

– И дай плед, иначе она продрогнет до смерти, – распоряжается он.

– Не трогай меня! – шиплю я, и она, как ни странно, отшатывается. – Мне не нужен ни плед, ни тот, кто будет диктовать мне, что делать.

С высоко поднятой головой я иду к двери, поднимаюсь по лестнице, пересекаю коридор и выхожу из дома. Прочь отсюда. Да, я совершила ошибку. Большую ошибку. Малакай не хотел бы, чтобы я продала себя за его душу. Однако я сделала это, пусть и безуспешно. А теперь сделаю все, чтобы Азраэль не получил ни кольцо, ни корону. Он пожалеет о том, что однажды явился в Сомерсет.

Остановившись на крыльце, я запрокидываю голову и набираю полную грудь воздуха. Дождь заливает лицо, но не остужает мою злость. Это еще не конец. Опустив голову, замечаю, что к моей машине прислонился Сет. Его встревоженный взгляд скользит по мне и задерживается на лице.

– Ты вся промокла.

Он стоит в элегантном черном костюме со скрещенными на груди руками. Хотя волосы у него тоже влажные, Сет выглядит так, будто только что из парикмахерской, и лишь легкая щетина на щеках свидетельствует о том, что у него тоже выдался длинный день.

– Откуда ты узнал, что я здесь? – спрашиваю, медленно направляясь к нему.

– Я бог, от меня так просто не спрячешься, – поясняет он

с кривой улыбкой на губах.

– Очень мокрый бог.

Словно по приказу, ливень внезапно прекращается.

– Мне очень жаль твоего брата. Я должен был сказать. Но не имел права и надеялся...

Конечно, он знал, что происходит. Все они знали. Как же глупо было считать их друзьями. У меня всегда плохо получалось заводить друзей. Это единственное оправдание тому, что я не раскусила их игру. Обхватываю себя руками, как будто это не даст мне развалиться на куски, и понимаю, что просто хочу убраться отсюда.

– У тебя свои сражения.

С серьезным выражением лица Сет оглядывает мое дрожащее тело и, помедлив, гладит меня по руке. Уверена, одно слово, и он уберет ладонь. Это прикосновение изгоняет холод из кожи; но, к сожалению, не из души.

– Все равно следовало сказать. Если я могу что-то для тебя сделать...

– Спасибо, – хрипло отвечаю я. Очень мило с его стороны, но сейчас я не вынесу присутствия кого-то из бессмертных.

– Сет, что тебе здесь надо? Нефертари, вернись внутрь.

Я разворачиваюсь к стоящему на пороге Азраэлю. Расстояние от двери до автомобиля он преодолевает невероятно быстро, причем не пользуясь крыльями.

– Да оставь ты ее в покое.

Тихий голос Сета резко контрастирует с яростью в зеле-

ных глазах ангела. Мягкий мох превратился в твердый изумруд. Я неожиданно осознаю, почему эти двое когда-то стали лучшими друзьями. Они излучают одинаковую бескомпромиссность. Естественно, Азраэль игнорирует совет бога, вместо этого протягивая руку ко мне.

– Давай поговорим. Потом Энола или Гор отвезут тебя домой. Тебе нельзя садиться за руль. – У него материализуются крылья, но, похоже, ангел этого не замечает, настолько взбешен. Минуту назад он гнал меня прочь. Его гнев связан не со мной, а с Сетом. В его приказе чувствуется власть аристократа и уверенность, что никто ему не возразит. Ну что ж, я стану первой. Окруженный перламутровым светом, ангел выглядит внушительней, чем когда-либо. Хотя все так, он действительно один из первых жителей Атлантиды, временная потеря силы ничего не изменила. – Позволь мне объяснить, – уже спокойней добавляет Азраэль.

Зеленый цвет крыльев уступил место темно-золотому. Еще одно небольшое напоминание о том, с кем я имею дело. Он великолепен, и при других обстоятельствах я бы не смогла справиться с искушением и дотронулась бы до его крыльев. Но больше я к нему не прикоснусь. Черты его лица ожесточаются. Азраэль не рассчитывал на отказ подчиниться, что лишь доказывает, как мало он обо мне знает.

Сет притягивает меня ближе, и я не возражаю. Мне кажется, так безопаснее. Азраэль против того, чтобы я ехала с ним. Но ни в коем случае не потому, что переживает за ме-

ня. Скорее ему не хочется, чтобы его игрушка попала в руки к его заклятому врагу. Хотя он сам ее выбросил. Наверное, ангел предпочел бы сначала самостоятельно меня сломать. Я прищуриваюсь. Злость занимает необъятное место у меня в голове.

– Не хочешь рассказать ей, чего ты на самом деле добиваешься, Аз? – Дыхание Сета касается моего затылка. – Давно пора.

От этого заявления лицо ангела каменеет.

– Нефертари знает, насколько нам важно вернуться в Атлантиду. Я не делал из этого тайны.

– Из этого – нет. – Голос Сета звучит еще мягче. Азраэль буквально пылает гневом, и воздух нагревается до такой степени, что у меня горят щеки. Между мужчинами выются тени. Золотые и черные. Это красиво и пугающе одновременно. – А ты упоминал, почему для тебя это так важно?

Пару секунд у меня дрожат коленки. Я вот-вот услышу информацию, которую не желаю знать. И это вызывает у Азраэля неистовую ярость. Не стой я между ними, он бы уже набросился на Сета.

– То, что важно для меня, никогда не имело значения, – сквозь зубы цедит он. – Я всегда лишь пытался убирать за тобой, поэтому следи за словами. Отпусти Нефертари. Не впутывай ее еще сильнее, чем мы уже это сделали.

– Я этого и не хочу. Но, по-моему, она имеет право знать правду.

Над головой проносятся сверкающие молнии, и я испуганно вздрагиваю. Впрочем, бессмертные этого не замечают. Как будто я невидимка... хотя, очевидно, для них все так и есть.

– Ты с самого начала играл с ней нечестно. Она заслуживает лучшего.

На прекрасном лице Азраэля появляется ехидная ухмылка.

– А по-твоему, лучшее – это ты?

– Нет, не я. Так ты скажешь ей или мне это сделать?

Азраэль сглатывает и едва заметно качает головой.

– Прекрати. – Ему явно тяжело просить об этом, но тем не менее ангел напряженно добавляет: – Пожалуйста.

– О чем вы говорите? – вклиниваюсь я. – Если дело не в Атлантиде, то в чем тогда?

– Это не имеет к тебе никакого отношения, – с непроницаемым лицом отрезает Азраэль.

– Мог бы признаться хотя бы тут, – невозмутимо продолжает Сет. – Почему ты этого не делаешь? Тебе стыдно?

– Потому что это никак не связано. – В жестах и словах ангела сквозит нетерпение. – Давай войдем и поговорим.

На Сета приглашение явно не распространяется. Жар и пламя пропадают, неземное свечение тоже. Остается лишь мужчина, который обманывал меня и использовал. Но теперь я улавливаю в его глазах страх. И выпрямляю спину.

– Если ты не вернешь душу Малакая, то говорить больше

не о чем.

– Я не могу, – наконец признается он. – Твой брат в полях праведников. Он добрался туда в целости и сохранности. Мы об этом позаботились. – Его тон становится настойчивее. – С ним все хорошо. *Он* так хотел.

Невозможно не услышать упрек в его голосе. Я прикусываю задрожавшую губу. Слишком поздно. Я потеряла Малакаю. Навсегда. Одну руку я прижимаю к сердцу, а вторую – к животу.

– Что ты от меня скрываешь? – спрашиваю, сомневаясь, хочу ли вообще знать. Не получается больше ясно мыслить.

– Дело в Нейт, – помедлив, произносит позади меня Сет, и Азраэль не успевает ему помешать.

– А что с ней? – хмурюсь я. – Она ведь мертва.

– Это не так. – Последнюю фразу бог выговаривает еще медленнее, как будто уже пожалел о том, что открыл рот. – В ней истинная причина того, почему он так желает попасть в Атлантиду, – уже не колеблясь, рассказывает Сет. – Он хочет вернуться к единственной женщине, которую когда-либо любил.

– Нейт жива? – У меня подкашиваются колени, но Сет обвивает рукой мою талию, не позволяя упасть. – Я думала, что она погибла тогда.

– Я никогда этого не говорил. – Азраэль не смотрит мне в лицо. – Это лишь твое предположение.

Я роюсь в памяти. Он действительно ничего такого не го-

ворил. Никто из них, если быть точнее.

– Ты любишь женщину, которую потерял двенадцать тысяч лет назад?

Разве такое возможно? На бесчисленных фотографиях я видела его с самыми красивыми женщинами мира. Он был со мной, хотя... я заталкиваю поглубже это воспоминание. То, о чем я тогда думала, абсолютно наивно.

Перед тем как ответить, ангел сует руки в карманы брюк. Один раз хлопает крыльями, обдав меня потоком воздуха, и я ежусь от холода. Тепло от Сета у меня за спиной усиливается.

– Мы с Нейт... – он замолкает. – Ты не поймешь.

Даже Сет вздрагивает от столь неубедительного оправдания. Эти слова рождают боль, которую не способна причинить никакая пощечина. Шок осознания на мгновение парализует мой разум. Из всех объяснений, которые он мог дать, это самое оскорбительное и низкое.

– Но зачем ты тогда...

Я проглатываю окончание, поскольку оно уже не играет роли. Женщины, которыми он себя окружает, – просто способ забыться. Азраэль развлекается и коротает время, пока не вернется к своей богине. И я не исключение.

– Прости. – Никогда еще ложь не звучала правдоподобней.

– Не надо. Я уже все поняла. – Во мне растет чувство обреченности. Обреченности и равнодушия. Приезжать сюда

было ошибкой, и не будь я в таком состоянии от горя, сама бы сообразила, когда он не отвечал на мои сообщения. – Извини, что отняла у тебя время и побеспокоила вас. Такого больше не повторится.

Нужно обратиться отсюда, пока я не сломалась.

– Мы уезжаем, – принимает решение Сет, очевидно, ощутив, как меня покинули силы.

Я потеряла брата, а единственный мужчина, которому я вручила свое сердце, использовал меня. Я считала себя сильной и независимой женщиной, однако после этого открытия чувствую себя абсолютно беспомощной. И не могу пошевелиться, потому что лишь сейчас осознала масштаб предательства.

Не получив ответа, Сет ведет меня к пассажирской двери.

– Тарис! – Голос Азраэля звучит измученно. Пусть сходит на пробы в театр. Какой фарс. – Пожалуйста, останься. Не ходи с ним.

Проигнорировав его, я сажусь в автомобиль.

– Пристегнись, – просит Сет, а потом захлопывает дверцу и снова обходит машину.

«Это ошибка. Ты понятия не имеешь, кто он на самом деле», – раздаётся в голове, когда Сет заводит мотор. Гор приклонился к двери. Энола стоит у него за спиной и ухмыляется. Только Данте не хватает, но он тоже знал, что все было игрой.

«Я не знаю, кто вы на самом деле, – отвечаю я. – Вы меня

использовали. Он – нет».

Гор тихо вздыхает, после чего воцаряется тишина. Он не может этого отрицать.

– Хочешь вернуться в Сомерсет? – Сет жмет на газ. – Или сначала в отель выспаться, а завтра решать?

– Отвези меня в Пикстон-Парк.

Родные будут волноваться, несмотря на оставленную мной записку.

Он включает обогрев и едет по улицам Лондона, как будто делал это всю жизнь. Но он же бог, в конце концов, и творил еще более поразительные вещи. Страшные вещи... хотя Сет мне не лгал. И я бесконечно благодарна ему за то, что он молчит.

Азраэль

– Ты с самого начала должен был рассказать ей правду о Нейт.

Энола и Гор спускаются по ступеням и останавливаются позади меня. Я смотрю вслед автомобилю. Я ожидал от него что угодно, но не такое. Зачем Сет рассказал ей, что Нейт еще жива? У него ведь оставался единственный джокер. Поэтому он приходил к Осирису? Они провернули все вместе? Угроза Осириса – это идея Сета? Братья сплотились по необходимости? После того как Нефертари меня возненавидела, мое место займет Сет? Боги не оставят ее в покое.

Разумеется, Осирис подготовил запасной план. Видимо, подозревал, что я откажусь. Его кто-то об этом предупредил, и этот кто-то прямо сейчас уезжает вместе с ней.

– Она этого заслуживала, – добавляет Энола.

Именно та, кому вообще не особенно нравится Нефертари.

– Не читай нотации! – огрызаюсь я.

Все случившееся – одна огромная ошибка. Мне не следовало ни врать Нефертари, ни целовать ее, ни спать с ней. Еще в первую встречу я понял, что она принесет мне неприятности... а я – ей. Ни о какой безопасности не может идти речь, пока бессмертные используют ее в своих целях. А они продолжают это делать, пока не получают кольцо и корону. Это по-

что смешно. Я хотел отвести от Нефертари угрозу, оттолкнув от себя, а теперь она рискует еще сильнее.

В темноте вспыхивает голубой свет. Кажется, будто в воздухе кружатся тысячи светлячков, но это свет джиннов. Из него выходит Данте и обводит взглядом нас троих.

– Почему у меня такое предчувствие, будто вы, ребята, натворили что-то, что мне не понравится?

Гор вкратце пересказывает ему произошедшее.

– Нефертари немного успокоится, и я объясню ей, что изначально это было не пустое обещание, – говорю я, после того как он заканчивает.

Данте смотрит на меня, как на крайне мерзкое насекомое.

– Если учесть, сколько из них побывали в твоей постели, у тебя удивительно ограниченные познания о человеческих женщинах.

Мне нечего возразить. Лишь однажды за всю жизнь я чувствовал себя таким же беспомощным, как сейчас. Передо мной вновь возникает образ залитого кровью тела Нейт. Минуты тысячелетия, но, невзирая на это, я помню каждую деталь той ночи. Сет хоть и не прикасался к оружию, которое ранило ее так тяжело, но все равно это случилось по его вине. Я не допущу, чтобы он навредил еще и Нефертари. Или отнял ее у меня. Вот только, к сожалению, она мне не принадлежит.

– Ты ничего не знаешь об ее духе или душе, – продолжает поучать меня Данте. – Тарис особенная и не заслуживает то-

го, как мы с ней поступили. – Как это на него похоже – брать на себя часть вины. – Ты должен был признаться, что не сможешь исполнить обещание. А шоу с Адрианой, которое ты тут устроил, – вообще самый тупой поступок, о котором я когда-либо слышал. Твоим единственным оправданием может служить лишь то, что это идея Гора.

– Малакай не желал, чтобы я говорил ей правду. Он боялся, что она попытается убедить его бороться дальше, – в который раз повторяю я. – Мне ничего не оставалось, кроме как уважать его волю и разочаровать Нефертари.

Я устало провожу обеими руками по волосам. Как же все запуталось. Нужно что-то предпринять, чтобы Осирис не воплотил свою угрозу в действие. Этим небольшим спектаклем я планировал заставить ее исчезнуть из моей жизни, пусть это и значит, что мы не отыщем регалии. Мне плевать, что тем самым я ставлю на карту душу Малакай. Он сам хотел, чтобы она была в безопасности, и заплатит эту цену.

– Вы с Малакаем решили все у нее за спиной, пока она боролась за вас обоих. Теперь Малакай там, куда хотел попасть, ты снова стал аристом, а она раздавлена. Мои поздравления. Значит, отдашь ее Сету? – Обычно Данте довольно дипломатичен, но в этот раз его суждения звучат резко и сурово.

«Ну уж нет», – думаю я.

Однако если сейчас подойду к ней слишком близко, Нефертари, скорее всего, перережет мне горло.

– Энола, – зову я, – будешь за ней присматривать. Выясни, куда он ее повез. – У пери под кожей проявляются темно-синие волны. Она ненавидит Сета и предпочитает его избегать. – Подумай о том, что он сделал с твоими братьями. Они поддались его внушениям и умерли за него. Он попытается так же использовать Нефертари.

– Теперь ты еще и шпионить ее заставишь? Думаешь, это хорошая идея? – Гор встает рядом с Энолой.

– А у тебя есть идеи получше? Какие-нибудь другие предложения по ее защите, кроме как чтобы она действительно искала кольцо и корону?

Данте качает головой, разворачивается и уходит в дом. Раздраженный, я следую за ним в прихожую. Нужно спасти то, что еще можно спасти.

Гор шагает возле меня, на его лице угрызения совести.

– Ей с этим не справиться. Тарис сильная, но она всего лишь смертная женщина, а у нас нет никаких зацепок относительно того, где находится кольцо.

– Смертная женщина, которая уже нашла одну регалию, – напоминаю я. – И об этой зацепке мы тоже ничего не знали. Может, твой отец еще что-нибудь от нас скрывает? Вдруг он дал Сету следующую подсказку? Осирис сидит у себя в Дуате и строит планы, которые мне абсолютно не нравятся. Ты ничего не выяснил?

Гор морщит лоб.

– Я с ним почти не общаюсь, если ты помнишь.

– Она справится даже без наших подсказок и помощи брата.

Я не удивлюсь, если Нефертари весь мир перевернет вверх дном. Злости на это у нее сейчас хватит. Вот только она не будет придавать значения собственной безопасности. Взмахом руки я так хлопаю дверью, что содрогается весь дом.

– Нам следовало рассказать об угрозе Осириса, и она сама бы приняла решение, – расстроено замечает Гор.

Данте фыркает. К такому грандиозному выводу я и сам уже пришел. Будь он здесь, мы бы так и сделали. Нужно взять себя в руки. Мне нельзя допустить еще больше ошибок. Какой реакции я ожидал, выставя себя в подобном свете? Полуголый в компании другой женщины. Неужели я правда хоть на секунду подумал, будто она укроется в тихом Сомерсете, посадит цветочки и нарожает детей? Она не из тех женщин, которые позволяют так с собой обращаться. После сообщения Кимми о том, что Нефертари на пути в Лондон, Гор позвонил Адриане и ее подружке. Он не меньше меня зол на своего отца. Но как минимум одному из нас следовало мыслить трезво. Страх за Нефертари затуманил мой разум. Я просто хотел, чтобы она держалась подальше от всего происходящего. И ради этого сам заплатил бы цену – никогда больше не видеть ее. Хотя правильнее было бы полететь к ней. Она нуждалась в поддержке, а получила предательство и обман. Надо все исправить. Как-нибудь. Только

вот так просто она меня не простит.

– Выпроводи этих женщин, – прошу я Гора. – Нам нужно со всем разобраться.

– Тебе стоит хотя бы ненадолго оставить Нефертари в покое, – произносит Данте. – Ты обещал это ее брату.

– Это было до того, как она попала в лапы к Сету. И до угроз Осириса. Еще я пообещал Малакаю ее защитить и выполняю обещание. Объясню ей всю серьезность ситуации.

Данте пристально смотрит на меня.

– И держи свои руки подальше от нее.

– Я не маленький мальчик, который хватается любую конфету, которая появляется у него под носом. Уж с этим как-то справлюсь.

Хотя кого я обманываю?

– Только не переоцени свои силы, – хлопает меня по плечу Гор. – Ты должен показать моему отцу, что он не имеет права тебя шантажировать. Похоже, до него не доходит, что ты снова аристой.

– Значит, пришло время ему об этом напомнить. Я соберу совет. Пусть заставят Осириса отказаться от своих угроз.

– По-твоему, это разумно? – По Гору видно, что он думает об этой идее.

– Из-за наших действий в одиночку мы слишком часто влипали в неприятности. А ты иди за ними, – еще раз велю я Эноле. – Держи нас в курсе планов Сета. Оставайся рядом с ней столько, сколько потребуется.

Я бы предпочел сделать это самостоятельно, но если совет встанет на мою сторону, это обеспечит ей безопасность и поставит Осириса на место.

Пери кивает, однако в глаза мне не смотрит.

– Пожалуйста, – добавляю я. – Я слишком многого прошу, но все компенсирую.

– Хочу меню как минимум из четырех блюд, – рычит она. – Из самых дорогих продуктов.

– Обязательно. – На прощание я целую ее в щеку и обнимаю. Прямо сейчас мне трудно себе представить, как мы в мирной обстановке опять будем все вместе готовить на кухне. – Береги себя. Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

Энола даже не удостаивает меня взглядом, вместо этого обнимая Данте и Гора, после чего выходит на улицу. Там, оттолкнувшись от земли, растворяется в сером небе. Стоило попросить ее не рисковать без необходимости. И пусть пери хороший воин, но в одиночку с силами Сета ей не справиться. Не попытается ли Энола все равно его остановить, чтобы спасти Нефертари, решив, что я от нее этого жду?

Я иду к себе в кабинет. Через закрытую дверь слышно, как Гор выводит Адриану и ее подругу, после чего воспоминания об этом вечере сотрутся из их памяти. Адриана громко возмущается и требует, чтобы я с ней поговорил. Позже отправлю ей цветы и последнее сообщение. С ней все кончено. Хотя я и не сомневаюсь, что она не испытывает ко мне настоящих чувств, меня все равно мучает совесть. Пора кар-

динально пересмотреть свое отношение к женщинам.

Входная дверь захлопывается, и воцаряется тишина. Но вскоре Данте и Гор без стука входят в мою комнату.

– Уверен, что хочешь созвать совет? – От беспокойства на лбу джинна появляются складочки. – Весьма вероятно, что остальные не поддержат твоё требование. Для них поиски превыше всего.

– Я понимаю, но попробовать обязан. Нам нужно сплотиться.

После моего исключения на собраниях совета всегда присутствовал Данте, и теперь он гораздо лучше оценивает расстановку сил. Но вариантов у меня не так много.

Джинн больше не старается меня отговорить. Может, ему и не нравятся мои действия, но он мой друг и поддерживает меня так же, как я поддержал бы его. Мы кладем ладони одну на другую. Открывать главный портал для вызова аристов разрешается только в экстренных случаях. Сейчас как раз один из них. Из наших рук бьет ослепительно-белый свет, заполняя комнату. Прямые лучи образуют ворота, сквозь которые в мой кабинет шагает ругающаяся Исида. Привязанный к подземному миру, Осирис не может прийти сам, однако его прекрасно заменяет супруга. Эти двое цапаются без перерыва, но по важным вопросам их мнения совпадают. Следующим входит Аполлон с широкой улыбкой, затем Один и его сын Тор. В отличие от северного властителя, Зевс достаточно доверяет своему сыну и не сомневается, что тот достой-

но его представляет. Он может положиться на мудрость решения Аполлона. Раньше все было иначе, но это уже другая история.

– Что такого срочного? Я как раз собиралась принять ванну. Как бы мне хотелось, чтобы твой отец наконец сделал тебя своим заместителем в совете. – Исида треплет сына по щеке и врет как по написанному. Она никогда не позволит лишиться себя подобной привилегии.

– Но я этого совсем не хочу, – отзывается Гор. – Потому что тогда Саида останется единственным женским голосом, а я однозначно за многообразие в совете. Данте тоже отлично впишется. Нам не повредит быть чуть более толерантными.

Исида хмурится, как будто такая мысль никогда не приходила ей в голову.

– Ты прав. Было бы глупо позволять мужчинам решать все одним.

Гор довольно улыбается королеве джиннов, которая вместе со следующим за ней по пятам Намиком как раз миновала ворота и слышала его слова. Только пожелай она, могла бы передать Данте свое место в совете, а ее дочь стала бы королевой. Все-таки Гор – сын своей матери в большей степени, чем готов это признать. Он хитро воспользовался ситуацией, чтобы напомнить об этом Саиде.

Королевский помощник с любопытством осматривается вокруг. Он впервые покинул земли джиннов, и у меня возникает вопрос, почему королева выбрала именно этот мо-

мент. У Намика краснеют щеки, когда он приветствует своего принца.

Я жму руку Одину, бросающему похотливые взгляды на Саиду.

– Не думал, что ты вернешься в этот сиятельный круг, – обнимая меня, поддразнивает Аполлон. – Что, соскучился по ругани?

– Не совсем. Как у вас дела с Афродитой? Поздравляю со свадьбой.

– Ну что тут скажешь, она меня любит. – Он ухмыляется. – И ненавидит, когда я делаю все не так, как она считает нужным.

Длинноволосый блондин Тор закидывает руку на плечи Аполлону, и тот еле заметно вздрагивает.

– Радуйся, что она вообще приняла тебя после всех твоих ошибок, и не жалуйся. – Он отставляет Мельнир, свой боевой молот, и садится в кресло, которое выглядит чересчур хрупким для его фигуры. – Зачем ты нас вызвал? – Как всегда, он сразу переходит к делу. – Скипетр возвращен. Поздравляю.

– А мы не можем переместиться в комнату побольше? – Исида дуется на то, что юный и крайне привлекательный бог не уделяет ей должного, по ее мнению, внимания. – У меня тут начнется клаустрофобия. И мне нужно выпить.

– Гор, не принесешь своей матери бокал вина? – прошу я. – Еще кто-нибудь чего-нибудь хочет?

– Я тоже не откажусь от вина, – отвечает Исфафил, который в это мгновение выходит из врат.

Он встает рядом с Данте, но лишь кивает ему и не прикасается. По выражению лица невозможно понять, что он думает по поводу моего несогласованного приглашения, о котором я заранее не проинформировал его или одного из высших ангелов. Микаил и Джибриль, по всей вероятности, сидят на скипетре и не спускают с него глаз.

Я киваю ему. Исфафил должен быть моим союзником, однако у меня имеются некоторые сомнения, что он поддержит мои требования. Не стоило отдавать скипетр высшим ангелам, он явился ко мне. Но в тот момент я мог думать лишь о том, как придется поступить с Нефертари.

– Раз все в сборе, пройдем в гостиную, – предлагаю я, и врата гаснут.

– Я тебе помогу, – предлагает Аполлон, когда Гор направляется на кухню. – Нам всем не помешает сделать по глоточку вкусных вин Аза и съесть по кусочку его пирога. Ты что-нибудь испек? Хуже Афродиты в этом мире никто не печет.

Похоже, Аполлона это абсолютно не беспокоит, поскольку я никогда не видел у него такого счастья на лице.

– Не испек! – кричу вслед ему. В качестве компенсации бог найдет самые дорогие бутылки, но это наименьшая из моих проблем.

Пятнадцать минут спустя мы собираемся в гостиной. Гор притащил вино, сырную нарезку, оливки и чипсы, как будто

это чертова вечеринка. Впрочем, это помогло немного разрядить обстановку. Все полны надежд. Ведь несмотря на то, что Один правит в Асгарде, а Зевс – в Митикасе, они тоже мечтают вернуться в Атлантиду. Мы хотим знать о судьбе тех, кто остался там. Наши друзья и родственники почти двенадцать тысяч лет заперты под защитным куполом и ждут нашей помощи.

Между тем Один нашептывает что-то на ухо Саиде, и та громко хохочет. Кажется, они довольно близки, хотя более разные личности сложно себе представить. Огромный Один носит старую тунику и кожаные сапоги, а бороду с проседью уже пора бы подстричь. Вопреки возрасту, в нем нет ни грамма жира, он словно состоит из мышц и сухожилий. В Саиде же, наоборот, все мягкое и округлое, она любит яркость, что подтверждают розовые, бирюзовые, желтые и зеленые цвета на ее кафтане. Волосы аккуратно заплетены, и в отличие от Исиды она практически не носит украшений. Кроме единственного кольца на пальце, которое подарил ей отец Данте. Исида же беззастенчиво флиртует с Аполлоном, который в стремлении не обижать богиню делает комплименты ее безупречной внешности.

Прислонившись к камину, я обвожу их взглядом. Я снова аристой и спрашиваю себя, почему это было для меня так важно. Гор плевать хотел на свой статус и место в совете, и мне внезапно кажется, что это гораздо умнее. За расслабленной атмосферой тлеют древние конфликты за власть и вли-

яние.

Время от времени я обмениваюсь взглядами с Тором. Похоже, он читает мои мысли, поскольку очень задумчиво смотрит на меня своими темно-синими глазами. Когда этот немногословный до кончиков ногтей воин говорит что-то, его слова всегда хорошо продуманы. Чуть раньше на кухне они с Аполлоном расспросили обо всем Гора, и тот рассказал им о Кимми, Малакае и Нефертари. У Аполлона тоже имеются друзья среди людей, он живет вместе с ними, и от него я ожидаю наибольшую поддержку. Жаль, он не привел с собой Афродиту. Эта женщина остра на язык, немало бессмертных ее просто боятся, но она бы встала на сторону Нефертари.

Я отставляю стакан в сторону. Подозреваю, что будет сложно, но нельзя больше откладывать конфронтацию. Гор, Тор, Намик и Данте не являются ни членами совета, ни чьи-ми-то представителями. Пока официально не назовут наследниками, у них нет права голоса. Но всегда полезно иметь свидетелей. При этом мне предстоит убедить Саиду, Исфафила и Одина в том, что Осирис не может своевольно выносить решения. На Исиду я даже не рассчитываю. В конце концов, она – его голос в совете.

– Зачем ты нас вызвал? – перебивает Исфафил шутливую болтовню остальных. – Возникла какая-то проблема? Уже? – Его недовольство буквально можно потрогать руками.

Пригубив вино, Исида сдержанно улыбается.

– Кто бы мог подумать, что ты так быстро воспользуешься

своей силой?

Я уже не могу оценить, кто и с кем строит собственные планы.

– Да, проблема возникла, – осторожно начинаю я. – И я решил, что будет лучше уладить ее сразу.

– Вы только послушайте, – бормочет богиня, пока все остальные молчат. Однако ей не удастся меня спровоцировать.

– Скипетр снова у нас, и теперь нужно отыскать кольцо и корону. – Я делаю паузу, и все кивают. – У нас не получилось бы найти скипетр без подсказки на ремне и без помощи Нефертари. Мы в неоплатном долгу перед ней.

Раздается согласное перешептывание. Они обязаны поставить Осириса на место. Этим поступком я окончательно превращусь в его врага, но это роли не играет. Я во чтобы то ни стало буду защищать Нефертари.

– Ради скипетра она рисковала жизнью, но теперь Осирис требует, чтобы она нашла другие регалии. А если нет, то он угрожает изгнать душу ее брата с полей.

Исида, которой известно об этой угрозе, преспокойно пьет вино, но ни на секунду не отводит взгляда от остальных аристов.

– Несправедливо давить на девочку, – первой высказывается Саида, увы, не так рассерженно, как я надеялся. Она знакома с Нефертари, и мне казалось, девушка ей нравится.

Один медленно кивает. Он и раньше в большинстве слу-

чаев соглашался с ее мнением, так же поступает и на этот раз.

– Чрезвычайные обстоятельства требуют чрезвычайных решений, – произносит Исафил с сожалением, в которое я не верю. – Почему бы этой девушке не продолжить поиски, если один раз она уже добилась успеха?

– Потому что это безнадежно. Нет больше никаких зацепок. Ни о местонахождении кольца, ни короны. Нефертари сделала все, что могла. Осирис не имеет права ее шантажировать. Люди – не наши игрушки.

Все взгляды устремляются на Исиду, и та слизывает каплю вина с губ.

– Это был не шантаж, – лаконично поясняет она.

Один перегибается к ней через стол. Он настоящий великан и, невзирая на возраст, выглядит максимально грозно. Если до этого дойдет, он мог бы прихлопнуть хрупкую богиню одним кулаком.

– Тогда что это было? Тьма Дуата затуманила ему мозги? Девочка выполнила свою задачу.

Саида, успокаивая, кладет ладонь ему на плечо.

– Почему он прибегает к подобным мерам? – интересуется она у Исиды, когда северянин вновь выпрямляется.

– Это послужит стимулом для девчонки. Мы хотим ковать железо, пока горячо, а у нее есть все, что нужно, чтобы найти и другие регалии. Нет теперь только средства давления, ведь ее брат умер. Наверное, тебе не следовало отпускать его душу.

Всего парой слов она спихивает вину на меня, хотя все знали о сделке, которую я заключил с Нефертари.

– Мы уже давно приняли решение больше не использовать людей, – произносит Аполлон. – Не понимаю, как мой отец вообще на такое согласился. Нужно оставить эту девушку в покое.

Так вот почему Зевс не пришел сам, а отправил сына. Осирис и Исида сообщили ему о своих планах, и он не пожелал связываться с ними в открытую. Скорее всего, этот маленький трюк – идея Геры. Надо будет потом послать ей цветы, ведь она понимала, что Аполлон встанет на мою сторону.

– Нравится тебе это или нет, – снова берет слово Исрафил, – если результат есть, он оправдывает средства. Почему нас должна волновать судьба одной-единственной смертной? Нужно приносить жертвы. Мы всегда это знали. И ты тоже. – Легко говорить, если ты сам не жертва. – Но в одном я с тобой согласен, Осирис должен был обсудить свои действия с нами. Передай ему, – теперь он обращается к Исида, – что мы такого не потерпим... причем я говорю это и от лица Микаила и Джибриля.

Та кивает.

– Извини, – поворачивается Исида ко мне. – Он не собирался злить тебя, но у нас никогда не было таких шансов на успех, как в данный момент. Осирис немного перестарался. – Ни одна женщина не сумела бы так хорошо изобразить фальшивое раскаяние и сожаление.

– Что же касается девочки, – подает голос Саида, – где она сейчас?

В ту же секунду у меня вибрирует мобильник.

Энола.

«Они едут в Пикстон-Парк».

– На пути домой. Вместе с Сетом.

Никого из присутствующих, похоже, не удивляет сей факт. Они уже в курсе. Только Аполлон, очевидно, нет. Он скрещивает руки на груди и хмурится.

– Хорошо, – говорит Саида. – Дай ей несколько дней погоревать, а потом пообщайтесь еще раз. Нам бы очень не хотелось ее принуждать, она правда мне нравится, но... Намик, доложи, пожалуйста, совету, что обнаружил наш придворный астролог.

У меня волосы на затылке встают дыбом.

Кивнув, Намик подходит ближе. Одновременно он достает из кармана своей белоснежной галабеи³ пергаментный свиток и откашливается.

– Мы распорядились составить для Нефертари гороскоп по дате рождения.

Джинн бросает на меня виноватый взгляд. Составить гороскоп для того, кто понятия об этом не имеет, – это серьезное вторжение в личное пространство. Я неверяще качаю головой. Эта встреча стала настоящей катастрофой. Ничего не

³ *Галабея* – предмет национальной мужской одежды народов Северной и Центральной Африки; рубаха без ворота, с широкими рукавами и длиной до пят.

изменилось. Совет по-прежнему состоит из кучки интриганов. Я смотрю на Данте, который выглядит не менее шокированным, чем я.

— Она родилась в январе, — поясняет Намик. — Ее знак зодиака — Козерог.

Не будь ситуация настолько серьезной, я бы посмеялся. У Козерогов очень высокие требования к собственным достижениям, и они стремятся любой ценой достигать однажды поставленных целей. Ради чего иногда готовы биться рогами о стену. Я читал биографию Нефертари. И почему только не обратил внимания на ее знак зодиака? Козероги очень не любят просить о помощи и предпочитают делать все самостоятельно.

Намик между тем продолжает:

— Ее земной знак соединяется в асценденте с огненным знаком льва. При этом Солнце, Юпитер и Северный узел находятся в соединении с Овном в девятом доме. Марс в Тельце, а Нептун в пятом доме. — Голос джинна становится все более возбужденным, пока он бомбардирует нас этой информацией.

Данте громко прочищает горло.

— Намик, — вежливо перебивает он юношу, который тут же замолкает и поднимает глаза на своего принца.

— Мы нифига не понимаем, — любезно объясняет Гор. — Что ты пытаешься нам этим сказать?

Глубоко вздохнув, Намик неуверенно переводит взгляд

между двумя мужчинами, которые гораздо выше его по статусу.

– Прошу прощения. Я хотел сказать, что... – он сглатывает, – во все времена встречались люди, которые, как мы полагали, способны отыскать регалии, однако еще никогда, никогда, – повторяет он, – сочетание звезд не было настолько однозначным.

Все продолжают смотреть на него. Я тоже, хотя уже догадываюсь, что последует дальше. Ладони сжимаются в кулаки, мне хочется что-нибудь разбить. Какой толк в моей восстановленной власти, если я не способен защитить Нефертари? Я жалею, что втянул ее в это дело. Жалею, что вообще встретил ее. Оставляя раненую Нейт, чтобы унести регалии, я выполнял ее желание. Нефертари же я впутал в эту историю, не предоставив права выбора.

– Еще никогда человеку не было предопределено решить нашу проблему, как в случае с Нефертари. – Намик не сводит с меня глаз, и в них читается страх. – Кажется, Нефертари рождена для того, чтобы найти регалии. Ее гороскоп ясно свидетельствует об этом. Пришло время нашего возвращения.

Исида восторженно хлопает в ладоши. В голосе Саиды звучит жалость, когда она обращается ко мне:

– Мы не можем упустить этот шанс, Азраэль. Ты ведь понимаешь. Тебе нравится эта девушка, и ты пытаешься ее защитить, но я вынуждена признать правоту Исафила. Ино-

гда приходится идти на любые жертвы, которые от тебя требуются.

Для Нефертари это не означает ничего хорошего. Однако я понимаю Саиду и всего несколько недель назад думал так же, как и она. Отец Данте – единственный из множества мужчин, кого она любила, и королева стремится вернуться к нему. Как я ранее стремился к Нейт. Но все во мне противится тому факту, что платить за это желание заставят Нефертари.

– Я поговорю с Осирисом, – максимально миролюбивым тоном обещает Исида. – Он не станет торопить события, но все-таки страх за душу брата станет для девчонки стимулом. – Никто из собравшихся не возражает, хотя она и выжидает пару секунд. – Тогда я наконец-то могу принять ванну, – с довольным видом объявляет она. – Благодарю за прекрасное вино и приятную беседу. – Прежде чем я успеваю остановить, богиня поднимается и на наших глазах испаряется в воздухе.

– Предоставь это Сету, – предлагает Исфафил. – Никто не будет тебя винить, если ты не станешь этим заниматься.

– Почему у меня такое впечатление, будто ты желаешь этого больше всего?

Я всегда подозревал: он знает об исчезновении регалий больше, чем признает. Моисей – брат Рамзеса, а Исфафил и Рамзес II были очень близки. Пусть фараон и любил свою Великую царскую супругу, но с высшим ангелом они состо-

или в довольно тесных отношениях. После смерти Рамзеса Исафил на сотни лет исчез со всех радаров, оплакивая его.

Данте, который сидит рядом с ним, не пропускает ни слова. Если не знать заранее, невозможно догадаться, что эти двое – пара. До сих пор я списывал это на то обстоятельство, что Данте – джинн и уважает чувства своего народа. Но это бред. Данте любит высшего ангела. Из-за этой любви он отказался от трона. А вот ангел не пошел бы ради него на подобную жертву.

– Хорошо. Значит, работайте вместе. И для него, и для тебя это шанс доказать, что вы раскаялись в своих ошибках. – Губы Исафила сжимаются в тонкую линию.

Я презрительно фыркаю. Да как он смеет общаться со мной свысока!

Аполлон хлопает меня по плечу, не давая тем самым наброситься на Исафила.

– Вернемся к вопросу с зацепкой. Этот момент с утерянным ремнем кажется мне странным. Возможно ли, что у вас с Осирисом есть пара секретов от других членов совета?

Аполлон не Зевс, но, как ни странно, Исафил все равно терпит от него столь неприкрытый намек.

– Ты и вправду считаешь, что, зная я о ремне, давно бы уже не начал искать скипетр?

– Мне интересно, – медленно и очень задумчиво тянет Тор, – как вы вообще поняли, что подсказка приведет вас к скипетру.

В комнате повисает тишина, только Саида со звоном ставит свой бокал.

– В том изречении ничего об этом не написано, верно? – уточняет он.

– Нет, – отвечаю я.

– Тогда откуда ты узнал, что должен искать именно его? Разве кольцо не было бы логичнее? Соломон открыто носил его, и это он подарил пояс Тоту.

Я медленно киваю, затем поворачиваюсь к Исфафилу.

– Ты сказал мне, что я получу зацепку, которая приведет к скипетру. Ты и Осирис.

Ангел морщит лоб, словно задумался, но я не верю в его неведение.

– Не могу ответить тебе на этот вопрос, – обращается он к Тору. – Если я правильно помню, в том разговоре, на котором присутствовали только Осирис, Тот и я, речь шла исключительно о скипетре. Если хотите, я спрошу их обоих.

– Спроси! – гремит на всю комнату голос Одина. – А ты, – продолжает он, указывая на меня, – заставишь девочку найти остальные регалии. И мне абсолютно плевать, что ты будешь ей рассказывать, но Сету я не доверяю. Никогда не доверял.

Тор едва заметно качает головой, однако не спорит с отцом, который уже встает.

– Рад был с тобой увидеться, Саида. Надеюсь, повторим в ближайшее время. – Один с восхищением во взгляде улыбается королеве. Потом топает ногой и переносится в Асгард.

– У тебя вообще есть идеи, как вы найдете другие регалии? – спрашивает Тор и берет свой молот, чтобы тоже отправиться в обратный путь.

– Пока нет, и Нефертари нужно время, чтобы оплакать брата.

– Будь с ней поласковее, и она сделает все, о чем ни попросишь. Но внимательно выбирай, кому доверять. – Он бросает взгляд на Исфафила, лишь подтверждая мои подозрения. Среди аристов до сих пор слишком много тайн, и ни один не доверяет другому.

Бог хлопает меня по плечу и следует за отцом. Мне нужно будет еще раз встретиться одному с Тором и Аполлоном. На мгновение я запрокидываю голову назад, как только осознаю, что именно этого всегда хотел Сет. Союза молодых богов, чтобы свергнуть старых. Я считал эту идею ошибкой, ведь она повлекла бы за собой войну. Войну, которая все равно началась между нами. У меня было двенадцать тысяч лет, чтобы подумать над требованием Сета, и в целом я все еще считаю его ошибочным. Мы сильны только вместе. Однако члены старого совета жертвуют Нефертари, не моргнув и глазом. Готов ли я пойти ради нее против всех своих принципов? Забыть, кто я и что делает меня таким? Если сейчас объединюсь с Сетом, значит, я напрасно боролся. Будь с ней поласковее. Хотел бы я, чтобы все решалось так легко.

Саида отвела Данте в сторону и что-то тихо ему говорит.

Исрафил ни на секунду не выпускает их из виду.

Я проверяю свой телефон, не пришло ли новое сообщение от Энолы, но ничего нет. От Нефертари тоже. У меня возникает мысль написать ей что-нибудь, но такую ситуацию по переписке не уладить. Для этого я должен с ней поговорить, причем наедине. Сет постарается этого не допустить. Наверняка он уже рассказывает о путешествии Малакая по Дуату, и в конце она будет думать, будто без Сета ее брат ни за что бы не справился.

Внезапно передо мной появляется Саида.

– Она сильная девочка. И она – наша единственная надежда. – В ее голосе звучит мольба, а в глазах светится вера. – Не лишай нас этого шанса из эгоистичных побуждений.

Неужели желать спасти Нефертари – это правда эгоистично?

Саида заботилась обо мне, когда я был на самом дне. Она вернула мне жизненные силы и – мне не удастся скрыть улыбку – научила готовить. Я наклоняюсь к ней и целую на прощание в обе щеки.

– Не стану. Можешь на меня положиться.

– Иногда мне хочется, чтобы ты был джинном, а не ангелом, – понижает голос королева. – Ты так же важен мне, как и все мои дети. Береги себя. Будет нелегко, а ты и эта девочка... вам предстоит еще много битв. Но в итоге мы вернемся.

И в тот день я окончательно потеряю Нефертари. Ни один из нас не произносит этого вслух, но мы оба все понимаем.

Полчаса спустя мы с Гором остаемся на кухне одни. Как и следовало ожидать, Данте ушел с Исафилом.

– Ты действительно думаешь, что Тарис сумеет найти кольцо и корону? Не представляю, каким образом она это сделает. Тору и Аполлону что-то известно, но они не признаются.

Получается, он тоже заметил.

– Если это кому и под силу, то ей.

Без понятия, откуда во мне такая уверенность, я просто знаю. И пусть Нефертари меня ненавидит, пусть злится, но я не могу не поддаться чувству, которое вспыхивает у меня внутри. Гордость. Я ей горжусь. Потому что эта женщина не сдастся, пока я не окажусь там, где она хочет меня видеть. Стоящим перед ней на коленях и молящим о прощении. Наверняка Нефертари врежет мне ногой в челюсть или куда-нибудь, где еще больнее.

– Мне не нравится твое выражение лица, – заключает Гор, доставая из холодильника пару сэндвичей, которые я приготовил для себя. – Напишу-ка я Кимми, разведая обстановку. И ради твоего блага надеюсь, что она тоже на меня не обижена. В конце концов, я впервые повел себя как джентльмен. Он вонзает зубы в мой сэндвич и уходит, жуя.

Я в очередной раз смотрю на телефон, но экран по-прежнему черный. Дам ей несколько дней, а потом попытаюсь поговорить. Извинюсь. Но прежде всего я решил за нее бороться.

ся. Она достаточно настрадалась. До сих пор значение имели лишь мои желания. Пора это изменить, даже если она будет отбиваться от меня руками и ногами. Возможно, она и упряма как мул, но я еще упрямей.

Тарис

Кимми вылетает из дома, едва Сет останавливает машину. Кузина распахивает дверцу автомобиля и после того, как я выхожу, сжимает меня в объятиях.

– Надо сообщить Гору, что ты добралась нормально.

– С чего бы его это волновало, – огрызаюсь я. – Наверняка он до сих пор занят с лучшей подружкой Адрианы.

Кимми вздрагивает, словно я ее ударила.

– Он тебе не рассказал, чем они занимались, когда я пришла?

Я не позволю этому богу причинить кузине такую же боль, какую Азраэль причинил мне. Пусть знает об его развлечениях.

Она медленно качает головой.

– Забудь о нем, – советую я. – Лучше сотри его номер из памяти телефона, а его самого – из своей памяти.

Я в таком отчаянии и бешенстве, как никогда в жизни.

– Так чем они занимались?

Судя по виду, на самом деле кузина не хочет знать ответ. Между ней и Гором ничего не было, пусть я и уверена, что причина подобной сдержанности не в Кимми. Но Гор, во всяком случае, не давал ей надежд, как Азраэль – мне.

Хотя что значит «надежд»? Он ничего такого мне не обещал. Конечно, он говорил, что поедет со мной в Пикс-

тон-Парк, но, скорее всего, никогда не относился всерьез к своим словам.

– Ничем, – тихо произношу, внезапно ощущая дикуую усталость. Кажется, адреналин, который держал меня на ногах, резко исчез. – Просто убивали время.

Кимми кивает, явно ничего не поняв, но не переспрашивает.

– Сет был очень любезен и привез меня сюда. Можешь распорядиться, чтобы его разместили в одной из гостевых комнат? – прошу уже более сдержанным тоном. – Я жутко вымоталась. – Поворачиваюсь к Сету. – Ты останешься или сразу поедешь обратно?

– С радостью воспользуюсь твоим гостеприимством, если не возражаешь.

– Конечно, нет. Дом огромный.

Едва переставляя ноги, я тащусь к входу.

– Тебе что-нибудь нужно? – Идущая рядом Кимми встревоженно поглядывает на меня. – Ты голодна?

– Я просто хочу к Малакаю.

– Мы поместили гроб с его телом в малой гостиной. Для завтрашней поминальной службы. Надеюсь, ты не возражаешь.

В первое мгновение я не нахожусь с ответом, но этого следовало ожидать. Сердце горит огнем.

– Конечно. Я сама должна была позаботиться об этом. Это моя обязанность.

Теперь все официально. Малакай мертв, и от осознания этого факта на секунду я забываю, как дышать.

– Все в порядке, – негромко отмахивается кузина. – Не пропадай так больше, никому ничего не сказав. Мама очень переживала.

– Я оставила записку. – С очень неадекватным объяснением, и сама это понимаю.

Кимми и Сет сворачивают в гостевое крыло. Прежде чем идти к Малакаю, мне нужно принять душ и переодеться во что-то теплое. Гарольд велел повесить все зеркала в коридорах черной тканью. Никто не встречается мне на пути, потому что он, видимо, отправил большую часть персонала по домам. Кажется, все помещения излучают безутешное горе, от которого у меня сжимается горло. Почти выбившись из сил, я добираюсь до своей комнаты, раздеваюсь и встаю под душ. Включаю такую горячую воду, какую получается вытерпеть, и сползаю вниз по стене, скорчившись под обжигающими струями.

Ярость, горе, страх и ненависть переплетаются, рождая безумный поток мыслей в голове, и я чувствую себя зомби. Хочется наказать кого-нибудь за свои страдания, но при этом у меня не осталось сил, даже чтобы поднять лист бумаги. Когда погибли родители, я грустила, но у меня оставался Малакай. А теперь мне предстоит жить без него. Испытывая желание последовать за ним, я смотрю на свои запястья. Где-то в сумке лежит складной нож. Впервые понимаю людей, кото-

рые добровольно выбирают смерть. Жизнь чудовищно сложна, и сейчас я просто не способна представить, как однажды смогу обрести счастье. Но я поклялась отомстить Азраэлю, и это вполне подходящая цель, ради которой стоит жить.

Выключив кран, вытираюсь и натягиваю леггинсы и свитер. На минуту сажусь на кровать и смотрю на фотографию на тумбочке. На ней родители, Малакай и я на базаре в Луксоре. Мне примерно шесть лет, и между зубов видны дырки. Мама повернулась к папе, и от любви в ее глазах у меня наворачиваются слезы. О подобной любви я мечтала для Малакай и для себя. Его ладони, словно защищая, лежат у меня на плечах. Это моя семья, и, даже невзирая на то, что никого из них уже нет со мной, они достойны того, чтобы я за них боролась. Чтобы я боролась за то, что нас связывало. Если и я тоже умру, кто тогда будет о них помнить? Я провожу подушечкой пальца по их лицам.

– Это так тяжело, но я справлюсь, – шепчу им. – Можете на меня положиться.

Прижав фотографию к груди, я ложусь в постель. Надо немножко передохнуть.

Когда в какой-то момент я вновь открываю глаза, на моей кровати сидит Кимми и разглядывает снимок. В голове пульсирует боль, а во рту пересохло. Дождь закончился, но в комнате не особенно посветлело.

– Который час?

– Одиннадцать. Ты долго спала. Приходило много народа:

соседи и жители деревни. Они спрашивали о тебе, передавали открытки и цветы.

– Малакая очень любили. Он всем нравился.

– Скоро должны приехать друзья из Лондона. Мама разговаривала со священником. Похороны назначили на послезавтра. Надеюсь, ты согласна. Гроб перенесут в склеп в фамильной часовне.

Я прижимаю кулаки к глазам. Проснулась всего пять минут назад, а в мозгах уже все перемешалось.

– Он хотел вернуться в Египет. Хотел, чтобы его прах развеяли в пустыне, как мы сделали с мамой и папой. – Кимми молчит. Хотя что она скажет? – Я не могла пообещать этого, – помедлив, добавляю я и опираюсь на предплечья. Мне и вправду пора вставать. – И до сих пор не знаю, можно ли сделать это сейчас. Мы с Азраэлем заключили сделку. Он обещал не забирать душу Малакая, если я найду скипетр. Но не сдержал свое слово.

– Знаю, Гор мне рассказал. – Она не осуждает меня за то, что за спиной брата я действовала своевольно. Вместо этого кузина берет меня за руку. – Если таким было желание Малакая, то подумай об этом.

Естественно, Кимми не сердится из-за того, что прошлой ночью я вела себя с ней несправедливо, и от этого меня лишь сильнее мучает совесть. Не следовало вымещать на ней злость. Если она желает продолжать общение с Гором, то это ее право. Бог не виноват в грехах Азраэля, хотя они с Данте

знали о нашей сделке и не предупредили меня. Только вот с чего бы им это делать? Регалии нужны им не меньше, чем ангелу. Поверить не могу, что я ему угрожала. Застонав, я падаю обратно на кровать.

– Когда маму с папой кремировали, это казалось мне ужасным. Но если его гроб пока будет стоять в склепе, я всегда смогу принять решение позже, верно?

– Конечно. Все поймут, если тебе требуется время. Только, Тари... – кухня ждет, пока я посмотрю на нее, – я знаю, как много для тебя значил Малакай, но мы тоже твоя семья. Желаете вы того или нет, но мы тебя любим. Даже Константин приехал сразу. Это удивительно, учитывая, что он постоянно нужен где-то еще и, как правило, практически не вспоминает о нас. – Она издает тихий смешок. – Когда дело касается чего-то по-настоящему важного, на него можно положиться. Он – опора для мамы с папой. Так что тебе от нас не избавиться, как бы ты ни грубила.

Несмотря на заполонившее душу горе, последние слова все же заставляют меня улыбнуться.

– Я знаю и вовсе не хочу от вас избавиться. Прости за вчерашний вечер. Мне не стоило так на тебя рычать.

– Не стоило, но на тебя столько всего навалилось. Я принимаю извинения. – Кимми улыбается. – Константин сказал, что у тебя просто панический страх пустить кого-то в свое сердце, потому что потом ты можешь его потерять.

– Наш знаменитый детский хирург заодно получил сте-

пень по психологии? – ворчу я.

– Наверное. Ты же его знаешь. Нет ничего, в чем бы он ни разбирался.

– Я впустила в свое сердце Азраэля. – Звучит как-то чересчур драматично и напыщенно. – И только теперь узнала, что в Атлантиде его ждет женщина, которую он любит с самого затопления.

Кимми широко распахивает глаза.

– Что, прости?

– Нейт еще жива. Она не умерла. Видимо, он оставил ее там раненую. Все это он делает лишь для того, чтобы вернуться к ней.

Лишь произнесенные вслух, эти слова становятся реальностью. Я влюбилась в Азраэля, а теперь придется жить с болью от того, что мое чувство безответно.

– Не представляю, как ты все это выдерживаешь. – По щекам кухни катятся слезы. – Как Азраэль мог так с тобой поступить?

– А я не знаю, выдерживаю ли. На этот раз не знаю, – честно отвечаю я. – Больше всего мне хочется остаться в постели и больше никогда не вставать.

Кимми тянется к моей ладони и сжимает ее.

– А мне хочется, чтобы ты не пыталась разобраться со всем в одиночку. И Малакай никогда бы не хотел, чтобы ты заключала такое соглашение с бессмертным.

– Он уже не сможет меня за это отругать.

– Тут ты права. Поэтому придется мне взять эту роль на себя. Принести тебе чего-нибудь поесть или попить? – Она встает. – Сегодня ты еще не обязана быть сильной, а те, кто этого ожидает, пусть поцелуют нас в задницу.

– Я бы не отказалась от чая и пары тостов или овсянки. – Понятия не имею, получится ли впихнуть в себя хоть немного еды. – Дай мне еще час, а потом я приду.

– Хоть все время в мире.

Кузина выпрямляется и разглаживает свое черное платье.

– Спасибо, – говорю я. – За все.

– Поблаговаришь еще, после того как я обмажу этого ангела смолой и выщипаю ему все перья. – У нее такое кровавое выражение лица, что мне становится страшно.

На то, чтобы прийти в себя, уходит два часа. Мысль о том, что нужно встречаться с другими людьми и слушать их соболезнования, ужасает. Я нечасто бывала на похоронах, но отлично помню церемонию в память о родителях. Меня поразило, как быстро гости перешли к насущным темам и заговорили о собственных делах. Для них жизнь продолжалась, в то время как моя рухнула. Впрочем, это все равно лучше, чем лежать в постели и думать. Ведь так мои мысли возвращаются к Азраэлю и нашей вчерашней встрече. Он все еще любит Нейт и хочет обратно к ней. Для достижения этой цели он использует любые средства, не обращая внимания ни на что. Включая меня.

Я принимаю душ, сушу волосы и надеваю черное платье. Видимо, его когда-то купил Гарольд. Все эти действия совершаю на автомате. Скоро я встану перед гробом своего любимого старшего брата. Смотрюсь в зеркало в ванной. Почему у меня такая судьба? Чем я ее заслужила? Глаза покраснели и опухли, щеки запали, но это по-прежнему я. Хочется мне или нет, придется спуститься вниз и окунуться в эту жизнь.

Гроб Малакая стоит на столе в гостиной. В комнате расставлены вазы с цветами, которые принесли соседи, и от густого запаха я едва не прощаюсь с парой ложек каши, которые чуть раньше с трудом запихнула в себя.

Возле меня появляется Гарольд и протягивает стакан воды. Я с благодарностью его принимаю. Взгляд падает на приклоненную к противоположной стене крышку гроба.

– Это ты устроил? – Приблизившись, я осторожно провожу кончиками пальцев по замысловатым рисункам и иероглифам, которые покрывают внутреннюю часть гроба.

– Сам Малакай, – тихо отвечает дворецкий. – Он догадывался, что ты не позволишь кремировать его тело, и хотел подготовиться к переходу.

– Это его Книга мертвых. – Я видела бесчисленное множество подобных предметов, но этот, безусловно, выполнен искуснее всех. – Как давно он ее заказал?

– Некоторое время назад, – неопределенно отзывается Гарольд. – У него имелись довольно конкретные идеи.

Несмотря на глубину печали, у меня вырывается смешок.

– Конечно, имелись.

Я еще раз обвожу контуры разноцветных иероглифов. Это заклинания, с помощью которых он перехитрил стоявших на пути демонов. Впрочем, за его душу я никогда не переживала. Мой брат в любом случае знал все заклинания наизусть и выдержал бы испытания. Но, вероятно, решил перестраховаться.

– Он добрался до полей, – негромко говорю Гарольду, когда он обнимает меня за плечи.

– Я никогда в этом не сомневался. – Он прочищает горло. – Гостей становится меньше. Открытки лежат в прихожей на комод, если хочешь прочесть.

– Мне обязательно делать это сегодня?

– Нет, это может подождать. Тебе даже не нужно никого встречать. Граф и леди Фиона взяли это на себя.

– Тогда я пойду в кабинет. – Звучит как вопрос. – Оставлю дверь открытой, если кто-то захочет со мной поговорить.

Гарольд смотрит на узкое черное платье.

– Хотелось бы мне, чтобы ты надела его по другому поводу. Но ты выглядишь прекрасно, сильной и храброй. Малакай бы тобой гордился. – Он вытаскивает из кармана пиджака открытку размером не больше визитной карточки и вручает ее мне. – Один из гостей очень хочет пообщаться с тобой лично. Он на этом настаивает.

«Ведь никто же не знает ни того, что такое смерть, ни того, не есть ли она для человека

*величайшее из благ, а все боятся ее, как будто знают
наверное, что она есть величайшее из зол».⁴*

– Это цитата Платона, – изумленно произношу. Переворачиваю открытку из дорогой бумаги ручной работы... и на обороте действительно написано имя греческого философа. Это ему мы обязаны своими знаниями об Атлантиде. – Кто ее тебе дал?

– Я приведу к тебе этого человека, если у тебя хватит на это сил.

– Мы с ним знакомы? Чего он хочет?

Гарольд уже отвернулся и лишь пожимает плечами, что очень нехарактерно для него, потому что настоящий дворецкий никогда бы так не сделал. Вопреки небрежному жесту, он выглядит достаточно напряженным.

Не думаю, что у меня сейчас хватит нервов на интеллектуальную беседу. Несмотря на болезнь, Малакай поддерживал связь с учеными со всего мира. Возможно, один из них пожелал выразить мне соболезнования лично.

По пути меня останавливают несколько гостей. И всякий раз на помощь приходят тетя Фиона и дядя Джордж. Они буквально не выпускают меня из поля зрения, при этом ни словом не упрекнув за поездку в Лондон. К счастью, присутствующие явно не ожидают, что я стану вести долгие вежливые беседы. Невзирая на это, отделаться от всех мне удастся только через двадцать минут.

⁴ Платон, «Апология Сократа», перевод С. Я. Шейнман-Топштейн.

Я ухожу в комнату, где в последний раз была с Азраэлем, и замираю перед письменным столом. Все лежит так, как я тогда оставила. Тут меня посетила идея о ковчеге Завета. Азраэль не открывал мне всей правды, пока я не раскопала ее самостоятельно. С самого начала он лгал и утаивал важнейшие детали, поэтому обстоятельство с Нейт не должно вызывать у меня такого удивления.

Услышав позади покашливание, я оборачиваюсь.

– Позвольте представить, – говорит Гарольд пришедшему с ним мужчине, – леди Нефертари де Вески.

– Рад наконец с вами познакомиться, – вежливо склоняет он голову.

Ни от Гарольда, ни от меня не укрывается, что мужчина не называет своего настоящего имени, и все же он кажется мне знакомым. На вид ему за семьдесят, однако кожа у незнакомца гладкая, и он совершенно не выглядит дряхлым. Волнистые, полностью седые волосы подстрижены старомодно, как и борода. Он с любопытством меня разглядывает.

– Вы были преподавателем моего брата? – вежливо уточняю я.

На нем не совсем соответствующие случаю светлые брюки, а на плечах светлая накидка, очень напоминающая тогу. Я правильно предположила, этот мужчина – ученый.

– О нет, я уже давно не преподаю. – Улыбаясь, он переступает порог кабинета и направляется ко мне. – Я написал ему незадолго до смерти, однако он так уже и не ответил, о

чем я глубоко сожалею. Это был очень личный вопрос.

– Значит, вы что-то ищете?

Я едва не начинаю задыхаться от мысли, что кому-то хватило наглости явиться в наш дом во время прощания с покойным.

Мужчина улыбается, отчего вокруг его глаз необычного фиолетового оттенка образуется множество морщинок. Он делает еще один шаг ко мне, однако Гарольд кладет руку ему на плечо, и незнакомец мгновенно останавливается.

– Я больше ничего не ищу, леди де Вески. Но слышал, что вы делаете это очень хорошо. Причем предметы, которые утеряны целую вечность назад.

У меня начинает покалывать в затылке. Не стой я, приклонившись к письменному столу, непременно отшатнулась бы. Он стар и на первый взгляд как будто не представляет опасности, однако мое тело переключается в режим готовности спастись бегством.

– Кто вы?

– Мое имя написано на открытке, – осторожно сообщает он. – Понимаю, что явился в неподходящий момент, но я не хотел вас упустить.

– Мы уже нашли то, что искали, – медленно произношу я. Судя по всему, это сумасшедший, который считает себя Платоном. Вообще-то греческий философ умер в 347 году до нашей эры.

– Вы нашли одну регалию. Скипетр... но не хватает коль-

ца и короны.

Мне не удастся сдержать вздох удивления. Откуда ему об этом известно?

– Может, присядем? – учтиво предлагает он. – Я уже немолод.

Эвфемизм⁵, если вопреки законам природы то, что он утверждает, правда.

– Конечно, располагайтесь, – указываю на диван. – Можем ли мы вам что-нибудь предложить?

– Я бы не отказался от чашки кофе. За столько лет так и не приучил себя к английской привычке пить чай. – Он улыбается с извиняющимся видом. – Нет ничего лучше, чем очень крепкий черный кофе.

– Гарольд, не мог бы ты распорядиться, чтобы нам принесли две чашки черного кофе?

«И пожалуйста, сообщи полиции, что к нам в дом проник сумасшедший», – мысленно добавляю.

– Ему нет необходимости вызывать полицию, – заявляет мужчина. – Я не отниму много времени. – Потом, сделав паузу, поворачивается к Гарольду. – И не причиню ей вреда.

Ситуация становится еще более странной, но это не долж-

⁵ *Эвфемизм* (греч. εὐφημία – «благоречие») – нейтральное по смыслу и эмоциональной «нагрузке» слово или описательное выражение, обычно используемое в текстах и публичных высказываниях для замены других, считающихся неприличными или неуместными, слов и выражений. В политике эвфемизмы часто используются для смягчения некоторых слов и выражений с целью введения общественности в заблуждение и фальсификации действительности.

но меня удивлять, ведь за столь короткий промежуток времени я миллион раз впутывалась в странности.

– Я могу о себе позаботиться, – успокаиваю Гарольда, который не сдвинулся с места.

– Сомневаюсь, – откликается тот. – Он лишь выглядит старым.

– Что ты имеешь в виду?

Последнее слово застревает в горле, превращаясь в приглушенный вздох, стоит мне взглянуть в лицо незнакомцу. Он улыбается, а его клыки между тем удлиняются. И без того неопределенный цвет глаз меняется на ярко-алый. Я отшатываюсь, и вдруг передо мной вновь сидит дружелюбный пожилой мужчина, как будто только что я видела мираж. Но все равно этот *дружелюбный* мужчина на самом деле вампир!

– Прошу прощения, но без подобного небольшого представления в наши дни никто не верит, что я – это я и что я жив. Хотя я действительно похож на свои сохранившиеся изображения и скульптуры. Впрочем, мало кто из современных молодых людей в принципе обо мне слышал. Я слегка вышел из моды.

– Вы правда Платон? Что с вами произошло? Как такое возможно? Кто это с вами сделал?

– Никто. Я сам захотел. К сожалению, я всегда был умнее и любопытнее, чем следовало бы, даже в старости. Иначе меня навряд ли посетила бы идея обратиться. – Он понижает

голос. – Но я не желал умирать. Я еще столько всего не знал, и меня завораживало будущее. Мне хотелось стать свидетелем того, как бессмертные вернутся в Атлантиду. Хотелось узнать, каких высот достигнет человечество.

– И как? Разочарованы? – вырвалось у меня.

Мне бы испугаться, но в первую очередь я восхищена. Самый известный греческий философ сидит у меня в гостиной. Невероятно. Нужно рассказать об этом Малакаю, у него будет столько вопросов... В ту же секунду осознав, что больше ничего и никогда не смогу рассказать брату, я сжимаю губы. Малакай очень уважал философа. Много веков назад этот человек сказал: «Не существует дела исключительно для женщины только потому, что она женщина, или для мужчины только потому, что он мужчина. Одинаковые природные качества встречаются у людей того и другого пола». Вряд ли для своего времени он мог быть мудрее.

Платон глубоко задумывается над моим вопросом.

– Разочарован ли я? – повторяет он. – Об этом меня еще никогда не спрашивали. Наверное, немного. Мне казалось, люди способны на большее.

– Значит, добро в нас все-таки не перевешивает зло, – отвечаю его же перефразированной цитатой, которая очень нравилась Малакаю. Брат тоже не сомневался, что в итоге добро победит, какие бы ошибки ни совершали люди.

– Быть может, я все еще надеюсь.

Он откидывается на спинку дивана, и я сама немного рас-

слабляюсь. Не знаю, откуда взялась такая убежденность, но он не набросится на меня, чтобы высосать кровь. Видимо, мое любопытство тоже сильнее врожденного инстинкта самосохранения. Более разумный человек с криком убежал бы прочь. Я же планирую задать Платону все вопросы, о которых уже не сможет подискутировать с ним Малакай.

А пока просто боком присаживаюсь на свой письменный стол и жду. Он здесь, чтобы поделиться со мной информацией. Она связана с регалиями, и я сомневаюсь, хочу ли ее слышать. Да, вчера в порыве ярости и боли я клялась отмстить, однако месть ничего, по сути, не изменит. Малакай мертв, а я лишилась не только брата, но и того, что просто себе нафантазировала. Я ничего не значила для Азраэля. И не хочу закончить так же, как он, снедаемой горем и ненавистью. У меня впереди не бесконечная жизнь, а ограниченное число лет, и если я на что-то имею право, так это на капельку счастья. Только вот никто мне его не преподнесет на блюдечке, придется взять его самой. Азраэль обидел меня, но я не позволю ему разрушить свою жизнь или даже просто повлиять на нее. Этот ангел меня не заслуживает.

– Мне следовало сохранить все в тайне. – Платон бродит взглядом по беспорядку на рабочем столе, стопкам книг на полу и обращается к двери. Та все еще открыта. Гарольд действительно оставил нас одних. – Не Расскажи я миру об Атлантиде, вероятно, сейчас все было бы иначе. Александр никогда не узнал бы о регалиях власти.

– Александр? – В истории существует лишь один человек, которого он может иметь в виду.

Платон кивает.

– Александр Македонский был учеником Аристотеля, а тот, в свою очередь, моим.

– Я в курсе, – перебиваю мужчину. – В своих диалогах вы не упоминали регалии. Но знали о них?

Он проводит рукой по своей накидке.

– Мне о них рассказала Геката.

Все интереснее и интереснее.

– Геката – греческая богиня магии, умеющая призывать мертвых?

Не хочется вытягивать из него каждое слово.

Ученый вздыхает.

– На самом деле она не призывала мертвых. Это всего лишь глупый слух, который распустили о ней еще более глупые люди с целью оклеветать. Как и сейчас, мои современники тоже легче всего верили в самые абсурдные утверждения.

– Что-то остается неизменным. – Я не скрываю улыбку. – «Научись слушать и сможешь получать пользу даже от тех, кто говорит глупости».

– Да, однажды я так сказал. Не лучшая из моих цитат.

– Верно, потому что глупые речи, к сожалению, имеют обыкновение распространяться быстрее, чем умные.

Платон кивает.

– Жаль, что я не давал уроков таким сообразительным мо-

лодым женщинам, как ты. Тогда сегодняшний мир выглядел бы совсем иначе.

– Не могу не согласиться. Вас обратила Геката?

– Она этого никогда не умела, но попросила своего друга-вампира. – Он виновато улыбается. – Мы были довольно близки, и она ни в чем не могла мне отказать.

Странно себе это представлять, однако мужчина передо мной тоже когда-то был молод. И что мешало богине обратиться на него внимание? Все-таки он считался одним из умнейших мужей своего времени и, возможно, остается им до сих пор.

– В молодости я очень интересовался магией. Думал, нет ничего важнее, чем узнать все, что только можно узнать. Так мы и познакомились. Однажды посетив мою школу, она довольно много спрашивала. Мы были очень счастливы вместе. – Он негромко вздыхает. – После обращения я больше ее не видел. То, что она сделала, было запрещено. Аристои не церемонились с наказаниями.

Звучит как предостережение.

– Почему они это запретили?

Платон добровольно позволил вампиру себя укусить. Бредовая мысль, но я задаюсь вопросом, смогла бы я спасти Малака таким способом?

– Вампиры для них демоны, аристои презирают этих существ. Винят их в затоплении Атлантиды.

– Аристои много кого в этом винят, кроме себя самих. Вы

жалеете о своем поступке?

– Я жалею, что втянул в это Гекату. Она и без того была отщепенкой среди богов, но все равно ради меня подвергла себя опасности. Разумеется, она не предупредила меня, что это под запретом. Я все понял позже, как и то, что любил ее, а она – меня. Мы часто чересчур поспешно разбрасываемся самым важным в жизни. Я не имел ни малейшего понятия, каково будет провести столетия в одиночестве.

Странно слышать, как старый философ рассуждает о любви. Я знакома с его дидактической поэзией, диалогами, с теорией о переселении душ и с поздним трудом «О добродетели». Но не припоминаю, чтобы он писал что-то о любви. Я восхищалась его мыслями, а теперь он сидит рядом со мной. Человек из плоти и... крови, и сожаления о потерянной любви с необыкновенной четкостью написаны у него на лице.

– И тем не менее вы бы сделали это снова?

Платон ненадолго задумывается над вопросом.

– Я заплатил за бессмертие слишком высокую цену. Нет, снова я бы этого не пожелал, но и не раскаиваюсь в своем поступке. Пусть за два тысячелетия человечество и не стало намного мудрее, но мне нравится считать, что в случае со мной все иначе. Хотя, оглядываясь назад, признаю: то, на что я пошел ради этого, – неразумно и безрассудно.

Я должна испытывать страх перед ним, но вместо этого снова улыбаюсь. Если вампиром Платон остался таким же любознательным, как и когда был человеком, то наверняка

стал умнее.

– «Нет великих гениев без толики безумия», – цитирую Аристотеля.

Платон, естественно, узнает слова своего ученика и тихо смеется.

– Надеюсь, аристои понимают, с кем связались.

Нотки одобрения в его тоне заставляют меня смутиться.

– В диалогах ничего не написано о регалиях. Почему вы рассказали о них Александру и Аристотелю?

– А разве это не очевидно? Геката посвятила меня в эту тайну, и я не сомневался, что сумею найти регалии. – Он подмигивает мне. – Я был одним из умнейших людей своего времени и прямо-таки помешался на этом. Но, несмотря на приложенные усилия, у меня ничего не выходило, а силы истощались. Для этой задачи нам требовался смелый, умный и амбициозный человек. Тот, кто не сдастся так быстро.

– И им стал Александр? – качаю я головой. – Но он ведь был еще маленьким мальчиком, когда вы *умерли*.

– Верно, но мы знали: если кто и способен отыскать регалии, то только он.

– Потому что потомок Зевса? Он и вправду отпрыск Геракла? – История становится все абсурдней, но меня уже ничего не должно удивлять.

– Разумеется. В те времена ни в одном из людей не текло больше божественной крови. Его материнская линия происходила от Фетиды, матери Ахиллеса.

– Я думала, это просто легенда, чтобы представить Александра еще более необыкновенным, чем он был. Вы еще скажите, что он отправился в поход не для того, чтобы завоевать мир, а чтобы найти регалии.

Платон складывает руки на коленях, и я замечаю ответ в его глазах даже прежде, чем он открывает рот.

– Именно так. В юности у Александра проявлялись амбиции ученого. Учился он быстро и много. Из-за пытливого ума мы возлагали на него большие надежды. Однако мы с Аристотелем недооценили, что может сотворить с человеком успех военных компаний. Внезапно он пожелал иметь все: мировое господство и бессмертие.

– Но получил не все, – тихо заканчиваю я. – На момент смерти ему было чуть за тридцать, и Александр не оставил наследника, который правил бы его огромной империей. Очевидно, регалии он не нашел.

Ученые до сих пор расходятся во мнениях относительно причины, по которой Александр так быстро и неожиданно умер в Вавилоне. Есть мнение, будто он стал жертвой покушения, и эта теория выглядит все более вероятной с учетом того, что мне теперь известно.

– Кольцо, – внезапно сбрасывает очередную бомбу Платон. – Он отыскал кольцо.

Соскользнув со стола, я неверяще смеюсь.

– Дальше вы скажете, что перстень с печатью Александра Великого – это Кольцо огня. Кольцо Соломона.

На его лице расцветает довольное выражение.

– Как вы умны. Так и есть. Я подумал, что вас это заинтересует. Разве ангел смерти не хотел, чтобы вы нашли и эту регалию?

– Нет, такой заказ я не получала.

Гарольд возвращается с кофе. Сначала убеждается, что я еще в целости и сохранности, потом несет поднос Платону и наконец направляется ко мне.

– Я добавил два кубика сахара.

– Спасибо.

Во мне нарастает возбуждение. Не то чтобы я и в самом деле собиралась искать кольцо, но эта история меня до сих пор интригует. Обуревающие меня грусть и отчаяние не способны этого изменить. Малакай пришел бы в восторг от нашего разговора.

Пригубив черный напиток, Платон прикрывает веки от удовольствия.

– Восхитительно, – хвалит он, снова открыв глаза. – Почти так же восхитительно, как в арабской кофейне. Мне рассказывать дальше? Хотите знать, что тогда произошло?

Я смотрю на Гарольда, который в ожидании стоит рядом со мной.

– Сейчас не самый подходящий момент. Только что умер мой брат, – поколебавшись, говорю я. Услышав такое оправдание, Малакай покачал бы головой. Он бы жаждал узнать все в мельчайших подробностях.

– «При приближении смерти к человеку его смертное начало умирает, бессмертное же, ускользнув от смерти, остается целым и невредимым и отходит».⁶

– Кто бы говорил. Вы-то не умерли.

Я определенно попросила о помощи не того бессмертного. Бог или богиня, наверное, тоже спасли бы моего брата. Несмотря на возраст, тело Платона кажется неуязвимым. Но Малакай бы не пожелал такой судьбы. Он бы не захотел прятаться и пережить всех, кого любил.

– Приношу извинения, это было неуместно. Я продолжаю раздавать советы, которые редко кому нужны. – Платон ставит чашку на столик возле дивана и вытаскивает из-под накидки простой конверт. – Полагаю, вы знаете, что племянник Аристотеля, Каллисфен, сопровождал Александра в завоевательных походах. Его задачей было убедиться в том, что всем известно о божественном происхождении Александра.

– В благодарность за службу Александр позже приказал его казнить, – сухо бросаю я.

– Так и было. В процессе поисков царь становился все более непредсказуемым и все менее управляемым, – подтверждает философ.

– Кто знал, что Александр искал регалии?

– Только Аристотель, Каллисфен и я, само собой. Думаю,

⁶ Платон, «Федон», перевод С. А. Жебелева.

Геката что-то подозревала, но, как я уже говорил, мы больше не виделись. Увы, отныне я не мог вмешиваться, поскольку официально уже считался мертвым, когда Александр отправился в путь. Мы проявляли крайнюю осторожность. Ни один бессмертный не должен был узнать о поисках.

– Что вы планировали делать с регалиями, если бы Александр их нашел?

На некоторое время Платон замолкает, видимо, размышляя, точно ли можно доверить мне эту информацию. Впрочем, он слишком далеко зашел, чтобы сейчас пойти на попятную.

– Что тебе известно о том, как создавались регалии власти? – переходит он на «ты».

– Не много. Они возникли вместе с сотворением бессмертных. Из света, огня и пепла при зарождении мира и времени.

Тру виски. Не помешала бы пара дней тишины и спокойствия, но, судя по всему, мне это не грозит.

Я колеблюсь между потребностью узнать больше и желанием оставить все это позади. Но Платон продолжает.

– Все так, но есть одна важная деталь, о которой тебе не известно. Все три регалии состоят из первоматерии.

– Первоматерии не существует, – возражаю я. – Это просто идея, конструкт. Аристотель выдвинул эту теорию.

– Это не просто теория, – отрицательно качает головой вампир. – Хотя я желал бы обратного. Тогда я бы никогда

не начал искать регалии, а в результате стал ими одержим. Регалии состояли из всего и из ничего, что когда-либо существовало и когда-либо будет существовать. Владеющий ими сможет создавать что угодно и становиться чем угодно.

На краткий миг время замирает, когда до меня наконец доходит, зачем Платон стремился заполучить регалии.

– Мы говорим о трансмутации? Вы полагали, что с их помощью сможете создать *Lapis philosophorum*? Философский камень?

Вампиру хватает приличия принять сокрушенный вид.

– Для меня было уже слишком поздно, однако Александр сделал бы все, чтобы стать бессмертным, да и Аристотель тоже. Я же надеялся обратить вспять процесс своего превращения. К сожалению, никто из нас не получил желаемого.

– Как тебе пришло в голову, что регалии в принципе способны сотворить философский камень? – Мне почти жаль Платона, пускай он и сам навлек на себя неприятности.

– Это не моя идея. Гермес Трисмегист записал процесс создания камня в «Изумрудной скрижали», чтобы это знание не было утеряно.

Я презрительно хмыкаю.

– Эти скрижали, во-первых, выдумка, а во-вторых – эзотерический бред.

Да, я верю в многое, но чтобы Тот в обличье Гермеса Трисмегиста тридцать шесть тысяч лет назад выгравировал мистическое знание на пластине из изумруда? Я вас умоляю!

Сторонники данной теории считают, что он принес эти скрижали из Атлантиды, а позже спрятал в пирамиде Хеопса. Я внутренне замираю. В той же пирамиде находился и ковчег с регалиями.

Платон ждет, пока я сама приду к следующему умозаключению.

– Ты своими глазами видел скрижали?

Тот факт, что я вообще задаю вопросы, многое говорит о моем подавленном эмоциональном состоянии. Я не способна мыслить трезво. Малакай умер всего три дня назад, и чем я занимаюсь? Обсуждаю с вампиром зеленые таблички.

– Только копии. Ведь оригиналы находятся в ковчеге.

– И снова скрижали в ковчеге. А что насчет тех скрижалей, которые якобы получил Моисей? С десятью заповедями? Этот ящик наверняка просто трещит по швам.

Ко мне вернулась злость. На мужчину напротив, на себя и на бессмертных. Зачем они впутывают меня сюда? Я не хочу все это знать, но все равно не выгоняю его.

– Две таблички с наставлениями о богоугодной жизни в действительности легенда, – лукаво улыбается он. – Давай честно, кто бы смог их придерживаться?

– И какой же конкретно запрет для тебя настолько сложен? Не укради?

Улыбка гаснет.

В процессе поиска я снова и снова натыкаюсь на Тота, бога магии, знаний и письменности. Будь я проклята, если не

он стоит за исчезновением регалий. Однако все остальные бессмертные продолжают верить, будто это Сет, а я не обязана заниматься этим вопросом.

– Где Александр нашел кольцо, когда и что случилось с ним после смерти царя?

– Это главный вопрос, на который я с тех самых пор пытаюсь себе ответить. – Он протягивает мне конверт. – Внутри лежит последнее письмо, которое Каллисфен написал Аристотелю. Они поссорились, и Аристотель долгие годы не получал от племянника ни слова. Своим посланием тот, вероятно, хотел облегчить совесть и передать нам кое-какие сведения.

Я подхожу ближе и дотрагиваюсь кончиками пальцев до конверта. Разумнее всего было бы прогнать Платона.

– И *почему* я должна прочесть это письмо?

Ученый вздыхает.

– Оно находится у меня вот уже две тысячи лет. Я долго надеялся с его помощью отыскать кольцо. У меня ничего не вышло, и тогда я подумал, что пришло время позволить взглянуть на него кому-нибудь еще. По-моему, ты прекрасно подходишь.

– Как ты узнал, что я нашла Скипетр света?

– О, это было легко. Я хоть и живу, скрываясь, но у меня имеются свои источники. Стараюсь всегда оказываться на шаг впереди своих преследователей.

– Как поступят аристократы, если поймут тебя?

– Убьют? – равнодушно предлагает он вариант. – Но, честно говоря, смерть меня уже не пугает. Я достаточно пожил.

– Если они тебя убьют, ты не попадешь в поля праведников. Умрешь окончательно. Разве ты об этом не думал?

– Думал, конечно. Как уже говорил, я был молод, и цена меня не волновала.

– Тебе был восемьдесят один год.

Я грустно улыбаюсь. Прямо сейчас, в двадцать четыре, я чувствую себя уже древней.

– По сравнению с моим нынешним возрастом восемьдесят один – это очень мало. – Платон встает, и у него расширяются крылья носа. – Мне пора уходить. Но я вернусь, когда ты будешь готова.

На мгновение я отвлекаюсь, заметив вроде бы мелькнувшую за окном тень. Неужели мне и в самом деле стоит отправиться на поиски Кольца огня? Не разумнее ли покончить с этим делом здесь и сейчас? Еще никогда мне не было так трудно отказаться от заказа, но так будет лучше. Я больше не желаю иметь со всем этим ничего общего.

Делаю глубокий вдох.

– Такого... – и осекаюсь, потому что Платон уже исчез.

Зато прислонившись к дверному косяку, стоит Сет. Это из-за него вампир растворился в воздухе?

– Не хотел, не попрощавшись, возвращаться в Лондон. – Про бога я почти забыла. – Какой интересный гость. Ты общаешься, мягко говоря, со странными личностями, – с се-

рьезным выражением лица комментирует Сет.

– Никого из вас я в свою жизнь не звала.

– Нет, не звала. Не поделишься, чего хотел вампир? Он тебе угрожал?

– Сейчас, когда ты спросил, я понимаю, какая это ирония судьбы. Демонический вампир – самый безобидный из бессмертных, которых я встречала.

– Ауч. Ты меня боишься?

Я отрицательно качаю головой.

– Наверное, это еще одно из неправильных решений, но до сих пор ты не давал мне ни одной причины тебя бояться.

– Это успокаивает. Что будешь делать дальше?

Я продолжаю сжимать в руках конверт. Если это действительно письмо Каллисфена Аристотелю, мне нужно его беречь, а когда Платон придет в следующий раз, вернуть владельцу. Любой музей и любой университет заплатил бы за него баснословные деньги.

– Ты знаком с законами трансмутации? – интересуюсь, не успев обдумать, умно ли его посвящать.

– Конечно. Мы, бессмертные – результат трансмутации. Во всяком случае, боги, ангелы и джинны. – Сет сдержанно улыбается. – Во время нашего создания стихии безостановочно менялись. Земля превратилась в воду, вода в воздух, воздух в огонь, а огонь – в пепел. И каждая стихия трансмутировала в какой-то вид, назовем это так. Все во вселенной создано путем трансмутации.

– Аристотель утверждал то же самое.

Сет вопросительно смотрит на меня, и я соображаю, что когда ученый жил, он уже находился в тюрьме у Ра и поэтому не может его знать.

– Люди пытались имитировать этот процесс. Мечтали производить золото из неблагородных металлов и создать *Lapis philosophorum*, философский камень. С его помощью надеялись стать бессмертными. Если я правильно помню, нужно растворить в воде совсем немного пыли от этого камня, и после того как ее выпьешь, будешь жить вечно.

Сет выгибает одну бровь.

– Звучит проще простого. Благодаря трансмутации смертное действительно способно стать бессмертным, – подтверждает он, бросив быстрый взгляд в окно. – Знай они, насколько утомительной бывает вечность, не стали бы этого желать.

– Жизнь тоже утомительна, – тихо парирую я.

Некоторое время Сет молча смотрит на меня.

– Не стану спорить. Но ты сильная. Жизнь не может ничего тебе сделать, только ты сама.

– Девиз бога хаоса, – поддразниваю я, однако Сет лишь пожимает плечами.

– Не расскажешь, что в этом конверте и чего именно хотел от тебя вампир? Он ведь явно не поболтать заходил. И сильно рисковал. Я мог бы оторвать ему голову.

– Только посмей устроить такой беспорядок в моем каби-

нете. Потом сам будешь вытирать грязь.

Сет улыбается.

– Я запомню. Он не собирался причинять тебе вред, поэтому я не стал вмешиваться.

Он за мной присматривал. Могла бы догадаться. Наверное, поэтому решаю ему довериться.

– Его зовут Платон, и раньше он был одним из умнейших людей в мире.

– Насколько умен может быть тот, кто позволил обратить себя в вампира? – удивляется Сет. – Это ужасно глупо.

У меня вырывается смех.

– Он мужчина, а мужчины принимают глупые решения.

– Женщины тоже, причем не реже, чем мы. Тебе не следовало оставаться с ним наедине. Я почуял его, когда спулся по лестнице, потому и пришел. Я забеспокоился.

– Очень мило с твоей стороны, однако, как мы уже выяснили, он явился не для того, чтобы меня укусить. – От этого комментария Сет морщится, а я негромко смеюсь. – Он слышал, что я ищу регалии, и у него есть кое-какие сведения о вероятном местонахождении кольца. На самом деле он хотел поговорить с Малакаем, но опоздал. – Мой смех стихает.

– И теперь ты размышляешь, желаешь узнать эту информацию или нет, верно? – Сет не предпринимает никаких попыток вырвать у меня из рук конверт. – Как бы мне ни противно было это признавать, но в одном Аз прав: ты должна попробовать жить нормальной жизнью.

Я возвращаюсь к письменному столу. Выдвигаю ящик и кладу в него конверт. Потом аккуратно закрываю ящик и вставляю ключ.

– Решу после похорон. Не хочешь задержаться до тех пор? – Этим вопросом я в равной степени удивляю и себя, и Сета. – Или у тебя какие-то другие планы?

Я доверяла Азраэлю, большую ошибку в этом плане мне уже вряд ли удастся совершить.

Бог отрицательно качает головой, и на лице у него читается облегчение.

– Вовсе нет, буду рад остаться.

После похорон мне предстоит принять решение, что делать со своей дальнейшей жизнью. Малакай не желал бы, чтобы я искала кольцо, это факт. Поиски чересчур опасны, но это меня никогда не останавливало.

Два дня спустя я окончательно прощаюсь с Малакаем. Его тело перенесли в стоящую немного в стороне от дома фамильную часовню. Склеп под старым зданием стал последним пристанищем для многих поколений нашей семьи. Я смотрю на закрытый гроб и спрашиваю себя, не холодно ли брату. На нем же только черный костюм. Глупая и абсурдная мысль. В конце концов, в этом ящике лежит всего лишь его оболочка. Священник все говорит и говорит. Я настояла на том, чтобы на службе присутствовал только узкий семейный круг. Больше всего мне хотелось бы попрощаться с ним од-

ной, но нельзя поступать так с Гарольдом, дядей Джорджем, тетей Фионой, Кимми и, конечно же, с Константином. Сейчас он стоит, одной рукой обняв за плечи сестру, а Кимми доверчиво прильнула к нему.

Малакай мертв, и скоро его тело навсегда положат туда, вниз. Разве что я решусь однажды исполнить его последнюю волю. Мои угрызения совести уже потеряли всякие границы. Я кладу ладонь на голову Селкет. Собака сидит рядом со мной, безмолвно поддерживая. Сет стоит позади, рядом с входом. Держится неподалеку, но не навязывается. Думаю, он, с одной стороны, беспокоится обо мне, а с другой – просто не знает, где его место. Бог еще более одинок, чем я. Но я в его присутствии ощущаю нечто неожиданно успокаивающее.

После похорон мы вместе идем к главному дому. Сет раскрывает надо мной зонтик, и я беру его под локоть. Сад тонет в клубах тумана и каплях дождя. Мать-природа подарила Малакаю последние теплые осенние дни. Дни, которые он провел без меня, потому что я уехала с беспринципным и лживым ангелом. Губы у меня дрожат, и приходится плотно их сжать. А когда мы заходим в дом, извиниться перед родными и Сетом.

– Я скоро присоединюсь к вам в гостиной, – говорю я и сбегая в свою комнату.

Мне нужна тишина. Всего на пару минут. Селкет, тихонько поскуливая, следует за мной.

– Я не брошу тебя одну, – обещаю я. – Куда бы ни отправилась, ты со мной.

Собака удрученно смотрит на меня, и по грустным карим глазам я понимаю, что она мне не верит. Не могу ее винить. С сегодняшнего утра животное не отходит от меня ни на шаг. Когда Константин перед церемонией хотел ее выгулять, Селкет на него зарычала. Она боится потерять и меня тоже. Четвероногие лучше людей. Я всегда это знала.

Вместе мы в последний раз идем в комнату Малакая. Я провожу рукой по свежему постельному белью. О брате почти ничего не напоминает... и в то же время напоминает абсолютно все. Если Азраэль сказал правду о том, что Малакай хотел уйти, то это вызывает довольно много вопросов. Главный из них – почему он не поговорил со мной. Остановившись у окна, я смотрю на улицу. Если на этот раз уеду отсюда, не знаю, вернусь ли когда-нибудь обратно. Без брата дом опустел, и он всегда будет напоминать о том, что здесь умерла моя лучшая половина. Я обхватываю себя руками и погружаюсь в воспоминания.

К реальности меня возвращает стук в дверь. Когда та открывается, я оборачиваюсь, встречаясь с внимательным взглядом Сета. Бог настолько встревожен, что у меня возникает вопрос, не опасается ли он, будто я что-то с собой сделаю. Я скучаю по брату и все бы отдала, чтобы оказаться с ним, но не буду разбрасываться даром жизни. Малакай устроит мне взбучку, если в таком случае я вообще вновь

увиджу его душу.

– Гарольд подал на кухне чай и пирог, – мягко произносит Сет. – Кимми велела передать, чтобы ты не пряталась.

– А почему она послала именно тебя?

Сунув руки в карманы брюк, он медленно направляется ко мне.

– По-моему, они меня немного побаиваются. – Губы Сета слегка изгибаются.

– Как так получилось?

Он дергает плечом.

– Возможно, я сказал, что тебе нужно немного отдохнуть от их заботы.

– Ты не делал при этом ничего странного? Не плевался огнем, например?

– Это ниже моего достоинства, тебе так не кажется? Немножко дыма вполне хватило. Только твой кузен не испугался. Храбрый парень.

– Он каждый день сражается со смертью. Таким он и должен быть. Когда я спущусь, они наконец-то уедут? Мне не мешало бы немного покоя. Думаю, я до сих пор по-настоящему не осознала, что его больше нет.

Не требуется называть имя, Сет и так понимает, кого я имею в виду.

– Ты знаешь их лучше, чем я. Они – твоя семья и заботятся о тебе.

Интересно, переживал ли кто-нибудь когда-нибудь за

него? Боюсь, что нет. Нужно ли в принципе заботиться о божестве? В обратной ситуации я, наверное, вела бы себя точно так же. Никогда бы не позволила Кимми запереться в комнате.

– Я спущусь с тобой вниз.

От удивления Сет широко распахивает глаза.

– Неожиданно. Теперь они начнут думать, будто я провернул какой-нибудь божественный фокус.

Я растягиваю губы в слабой улыбке.

– Тогда молись, чтобы они не потребовали от тебя невозможного.

Я прохожу мимо него, и Селкет бежит за мной. Она тихо рычит на Сета. Не могу отделаться от мысли, что у Азраэля она с первой встречи чуть ли не с рук ела. Но тогда еще был жив Малакай. Отныне так будет всегда: моя жизнь разделась на время до и после его смерти. На время, когда у меня была семья, и время, когда я осталась одна. Несправедливо так думать, потому что у меня по-прежнему есть родные, я не одна. Но одинока, а между этими двумя состояниями огромная разница. Мы молча идем по коридорам. Раньше мне не бросалось в глаза, как холодны эти стены. Это мой дом, но я больше не чувствую себя дома.

Тетя Фиона, дядя Джордж и Кимми сидят в гостиной на изящных диванчиках, а Константин стоит у окна. Когда я вхожу, тетя широко распахивает глаза.

– Спасибо, – произносит Кимми одними губами, обращаясь к Сету.

Кузина незаметно прячет смартфон под подушку. Наверняка опять переписывается с Гором. И пусть я не могу ей ничего запретить, но мне это не нравится.

– Садись к нам, девочка моя, – зовет меня дядя Джордж. – Пирог очень вкусный.

Тетя Фиона кивает и наливает мне чаю.

Я сажусь рядом с Кимми, а Селкет ложится у моих ног, хотя между столом и диваном очень мало места. Сет устраивается напротив.

– Не хотите ли тоже чаю? – предлагает ему тетя Фиона.

Сет всегда чрезвычайно вежлив, и все же она его боится.

– Это будет очень любезно с вашей стороны.

– Мужчины предпочитают приличный, а главное, крепкий кофе! – грохочет дядя Джордж, кивая Гарольду. – Принеси ему своего адского варева.

Тетя Фиона давится воздухом, и не будь я мертва внутри, рассмеялась бы.

На этой фразе Сет притворно морщится от боли, в то время как Кимми тихо хихикает.

– Убери телефон, юная леди! – ругает ее мать. – Наши правила действуют даже в случае траура.

Я сглатываю, потому что этот «случай траура» – мой брат, а Кимми снова прячет мобильный. Потом мы замолкаем, и только назойливый дождь равномерно стучит в окна. Не кажись эта мысль столь избитой, можно было бы сказать, что небо плачет по моему брату. Но это не так. Вполне вероятно,

оно даже посмеивается. Ездит ли Малакай с Ра в его солнечной ладье по небосводу? И видит ли он тогда, что я делаю здесь, внизу?

Гарольд приносит Сету кофе, и дядя Джордж прочищает горло.

– Нам хотелось бы забрать тебя с собой в Хайклер, – осторожно начинает он. – Тебе не стоит оставаться тут одной.

– Я не одна. У меня есть Гарольд и Селкет.

– Гарольд тоже поедет с нами. Дворецкий в Хайклере ушел на пенсию, и мы предложили ему место.

– Отлично, – бормочу я в чашку безвкусного чая.

Вот чего хочет Гарольд? Наверняка он не меньше меня тоскует по Малакаю. Интересно, насколько невежливо будет попросить налить мне виски? Я с завистью кошусь на Константина, в чьем бокале звенят кубики льда, и от кузена не ускользает мой взгляд.

– Я поеду с ними, только если ты тоже поедешь, – говорит Гарольд.

Селкет тихо ворчит. Понятия не имею, что она пытается сказать таким образом, а вот Малакай бы понял ее комментарий.

– Мне бы хотелось еще какое-то время побыть рядом с ним.

– Разумеется, – откликается тетя Фиона. – Нам не обязательно уезжать сразу.

На секунду я прикрываю глаза.

– Не сто́ит. Я... я все же хотела бы побыть одна.

– Тогда я составлю тебе компанию, – решительно заявляет Кимми.

– Это твое желание или этого требует от тебя Гор? – огрызаюсь я.

Кухина задыхается от возмущения, а я вздрагиваю, потому что пугаю сама себя. Она берет себя в руки быстрее, чем я.

– Мы разговариваем не о тебе, – тихо произносит Кимми. – Во всяком случае, не очень часто.

Я замечаю нахмуренный лоб тети Фионы, однако она как минимум не настолько бестактна, чтобы расспрашивать дочь об общении с Гором. Не при всех.

– Мне бы хотелось, чтобы вы уехали. Пожалуйста. Вы очень добры, но не нужно за меня переживать. Я справлюсь.

– Значит, надо уезжать, – впервые вмешивается в беседу Константин. – Я не могу больше брать отгулы, а Тарис взрослая женщина. Она не нуждается в нашей защите, да и попросить о помощи может в любой момент.

Мне легко себе представить, как все медсестры в Грейт-Ормонд мгновенно подсказывают, стоит ему что-то сказать. Кузена не назовешь привлекательным мужчиной, он слишком угловат и крепко сбит. Но его руки творят чудеса, а говорит Константин всегда этим убедительным, даже авторитетным тоном. С ним никто не спорит, и в первый раз я этому рада.

Дядя Джордж окидывает меня внимательным взглядом.

– Уверена?

– Мне нужно немного времени для себя. – Я так часто продумывала и проговаривала эту фразу, что сама себе кажусь попугаем.

– Хорошо, тогда отправляемся завтра после завтрака. Но если что-нибудь понадобится, ты нам позвонишь.

– Конечно. – Что мне еще может понадобиться?

– Ты обещала поехать со мной, когда я буду искать себе квартиру в Лондоне, – неуверенно начинает Кимберли. – Может быть...

– О чем ты? – перебивает тетя Фиона. – У нас же есть дом. Вздохнув, Константин подходит ближе.

– Это *ваш* дом, мам. Кимми надо иметь личное пространство. Все-таки я тоже больше с вами не живу.

Встав рядом со мной, кузен протягивает мне свой бокал. Я с облегчением принимаю его и выпиваю залпом. Виски обжигает горло, однако это приятная боль.

– Что я абсолютно не одобряю, – обиженно фыркает его мать.

Как же мне хочется просто встать и уйти к себе в комнату или в сад. Мне срочно необходим свежий воздух.

Сет отставляет в сторону свою кофейную чашку.

– Ты собиралась показать мне библиотеку.

Благодарная за умение Сета замечать, что мне нужно, я вскакиваю на ноги.

– Пойдем прямо сейчас. Поговорим позже.

Не обращая внимания на остальных, я почти выбегаю из гостиной. Сет уверенным шагом выходит за мной, а затем раздается более легкий топот.

– Мне тоже срочно понадобилась одна книга, – заявляет Кимми.

– Раз уж твой брат за тебя вступился, не бросай его одного.

Смутившись, кузина прикусывает нижнюю губу. Понимаю, все хотят как лучше, но если они не исчезнут в ближайшее время, я соберу свои шмотки и уеду сама. Возможно, я в любом случае это сделаю. Здесь меня уже ничего не держит.

– Пожалуйста, покажи Сету библиотеку, – прошу я Кимберли. – Мне нужно выйти на улицу.

– Но там дождь, – беспомощно лепечет она. – Ты простудишься.

У меня вырывается смешок, и этот звук даже для моих собственных ушей звучит странным. Словно я сотню лет не смеялась. Однако это не так. В последний раз смеялась по-настоящему я не так давно. В тот момент Азраэль сжимал меня в объятиях, а я считала, будто что-то для него значу. Отбрасываю эту мысль. Ни в коем случае не стану больше себя жалеть. Он поступил так, как должен был, и я тоже. Если бы я лучше слушала, то гораздо раньше догадалась бы, что его обещание – величайший бред в истории. Бессмертные никогда не держали данное людям слово. Это было бы что-то новенькое. Они просто используют нас как шахмат-

ные фигуры.

Не дожидаясь, пока Сет тоже решит меня удержать, я разворачиваюсь и направляюсь к входной двери.

– Дай ей немного времени, – тихо бормочет он.

Как это часто случалось в последние пару дней, я вновь задаюсь вопросом: неужели Сет единственный, кто меня понимает? Он провел в одиночестве плюс-минус несколько тысяч лет. Как выдержал? Как добился того, чтобы одиночество не свело его с ума? Как пережил все свои потери?

Стала бы моя боль меньше, если бы последние дни я провела с Малакаем? Почему брат не дал мне шанса попрощаться с ним? Или дал, а я просто не услышала или не увидела? Не эгоистично ли с моей стороны желать, чтобы он жил дальше, хотя это было выше его сил? Ушел бы он раньше, если бы я так в нем не нуждалась?

К тому моменту, когда подхожу к фамильной часовне, я уже промокла до нитки. Дверь, ведущая в маленькое помещение, заперта. Я прислоняюсь к ней и кладу ладони на деревянное полотно. Египтяне верили, что душа человека в течение дня путешествует с богом Ра в его ладье по небу, а ночью снова воссоединяется с телом. Будь это так, я могла бы попросить у Малака прощения. Если бы увиделась с ним еще хотя бы раз. Разве я о многом мечтаю? Я так и не попросила у мамы прощения за нашу дурацкую ссору. Люди всегда говорят, что это не главное. Родители любят своих детей независимо от того, ругаются те с ними или нет. Мертвые

не держат на нас зла. Я сжимаю в ладони крест-анх у себя на шее. Но как насчет тех, кто остался? Им придется жить с чувством вины.

– Я тебе помогу, если хочешь, – внезапно произносит Сет позади меня.

Я медленно поворачиваюсь.

– Он мертв. Что ты теперь можешь сделать?

Сет тоже вымок до нитки, и черные волосы липнут к голове. Одной рукой он стирает воду с лица и глубоко вздыхает.

– Этого я изменить не в силах, зато могу отвести тебя в поля праведников. – Бог понижает тон, словно опасается быть подслушанным. Однако здесь лишь пара птиц и насекомых. – Сможешь с ним попрощаться. – Он осторожно приближается. – Увидеться с ним еще раз. Ты ведь этого хочешь, не так ли?

– Зачем тебе это делать?

– Затем, что тебе так станет легче.

Путь к полям труден и опасен. Азраэль никогда бы мне не предложил такого.

– Живой человек когда-нибудь проходил этот путь?

– Я не даю обещаний, которые не в состоянии выполнить.

– А что потребуешь взамен?

Никогда в жизни мне ничего не доставалось просто так, поэтому я настроена скептически. И вообще с чего Сет взял, будто я поверю, что он сдержит слово?

Пару секунд он медлит с ответом.

– Если отправишься на поиски Кольца огня, я хочу участвовать.

– Ты хочешь забрать его себе, да? Тебе нужен рычаг давления на совет?

Сет медленно приближается ко мне. Мокрый как мышь, он выглядит далеко не так внушительно, как обычно, больше походит на обычного человека.

– Не хочу тебя обманывать, – говорит он, пряча руки в карманы брюк. – Если найдем остальные регалии, я получу возможность выдвинуть свои условия аристократам.

– И какие же? Все еще мечтаешь уничтожить человечество?

Сет кривит лицо.

– Это непростая задача. Я навел справки. На сегодняшний день вас примерно восемь миллиардов.

– Мы размножаемся как мухи.

– Вот только муха живет максимум четыре недели, – замечает Сет. – Я никогда не мечтал уничтожить людей. Просто хотел, чтобы Атлантида принадлежала бессмертным. Создается впечатление, что за тысячелетия моего отсутствия и неспособности защититься меня превратили в козла отпущения за все прегрешения. Поверь, не я один выступал с подобными требованиями.

– Но почему ты продолжал войну после затопления?

Скрещиваю руки на груди. Не то чтобы принципиально не доверяла Сету, в конце концов, он не давал мне поводов

для этого, но я не позволю себя снова во что-то втянуть.

— Мы хотели вернуть Атлантиду. И да, в катастрофе я видел аристов и собрал тех, кто разделял мое мнение. Они шли за мной по собственной воле. Я никого не принуждал.

— А что насчет созданий тьмы, из которых, по словам Азраэля, состоит твоя армия? Чего они добивались?

— У меня больше нет армии, и это не я натравил на тебя тех демонов, как ты, видимо, считаешь. Но понимаю, если ты мне не веришь и боишься.

— Если бы я тебя боялась, не села бы в машину и не позволила бы тебе встретиться с моими родственниками.

На его лице расцветает робкая улыбка.

— Это самое приятное, что мне говорили за последнее время.

— Не за что.

Я растираю ладонями руки.

— Замерзла?

— Да, немного.

При мысли о том, что скоро нужно будет возвращаться под дождем, меня охватывает дрожь.

— Можно? — осторожно спрашивает Сет и кладет руки мне на плечи еще до того, как я успеваю ответить.

По телу разливается тепло, а над сырой одеждой поднимается пар. Минуту спустя я окончательно согреваюсь, и он тоже полностью высыхает.

— И в самом деле практичный дар. Спасибо.

– Не за что, – изгибая губы в улыбке, повторяет он мои слова. – Присядем? – указывает на крытую лестницу.

– Почему бы и нет.

Что делать с его предложением? Сет хотя бы не ходит вокруг меня на цыпочках и не пытается утешить, даже невзирая на то, что утешения не существует. Я сажусь на верхнюю ступеньку, обхватываю руками колени и кладу на них подбородок.

– Ты уже смотрела подсказку вампира? – чуть погодя интересуется бог.

– Нет. Я планировала вернуть письмо, когда Платон придет в следующий раз. Не хочу больше иметь к этому отношение, – разрушаю я надежды Сета.

– А Малакай хотел бы этого?

– Он хотел бы, чтобы я самостоятельно принимала решения, а не поступала так, как, по-моему, ожидают от меня другие, – отвечаю резче, чем собиралась.

– Аристои несправедливо поступили и с тобой, и со мной, и со многими другими бессмертными и людьми. Частично мы могли бы исправить ситуацию, – осторожно возражает Сет. – Они играют нечестно.

– Если они узнают о твоих еретических речах, снова откроют на тебя охоту. И что значит «исправить»?

– Я не собираюсь их свергать, – сообщает Сет. – Уже нет. Я просто хочу занять свое место среди них. Осирис уже давно отказался от своего трона. Какое-то время Гор представ-

лял его в качестве повелителя Эннеады, однако теперь тайной королевой стала Исида. Ей я доверяю еще меньше, чем брату. Она змея. И мне нужно еще кое-что сделать.

Невзирая на внешнюю расслабленность, в его словах слышится затаенная злоба.

– Ты правда не крал тогда ковчег с регалиями? – Однажды он уже это отрицал, но тогда рядом находились Данте, Гор и Азраэль. – Я бы хотела услышать правду.

Сет твердо смотрит мне в глаза.

– Нет, я не прикасался к ковчегу. Похитить я регалии, вряд ли позволил бы себя пленить. Кроме того, я бы ни за что не доверил их человеку. – Он качает головой, словно не может поверить, что кто-то это сделал.

– Но если это не ты, то кто? Тебе не интересно это выяснить? Ведь из-за него все повесили на тебя. Моисея в путешествии сопровождал ангел. Хотела бы я знать какой.

– Ты не спрашивала Азраэля?

– Спрашивала. В какой-то момент я даже подозревала, будто вы с ним подстроили исчезновение ковчега. Но он упрямо кивает на тебя. Азраэль считает, что ты собирался последовать за Моисеем, но не успел. Тебя осудили и отправили в ссылку. По этой причине израильтяне бродили с ковчегом сорок лет. Моисей просто не знал, куда идти. И только потом забрал его с собой на Святую землю.

– Любопытная теория, – бормочет Сет. – Я надеялся, что Аз навестит меня в изгнании. Мы разошлись во мнениях,

но друзьями были гораздо дольше, чем врагами. Он не смог меня простить и так и не понял, что это для меня значило. До сих пор не понимает.

В стремлении утешить я кладу ладонь ему на плечо.

– Он не явился, да?

– Нет, не явился. Если Аз принял решение, его уже не переубедить... а тогда он решил меня ненавидеть.

Как и решил солгать мне.

– Он рассказывал, как ты спас ему жизнь. В сражении с Аль-Джанном.

Сет устремляет взгляд на струи дождя.

– Это случилось очень давно. Никогда бы не подумал, что он об этом помнит.

– Они с Нейт тогда уже были вместе? – Не стоило спрашивать об этом, но по-другому я просто не могу.

– Да, – после небольшой паузы отвечает Сет. – Эти двое были неразлучны. Аз тоскует по ней, как в первый день, и винит меня в том, что потерял ее. К сожалению, всегда проще возложить вину на других, чем искать ее в себе самом.

Я не виновата в смерти Малакая. Мной двигало желание спасти самого близкого человека. Такое не может быть неправильным.

– Откуда мне знать, что ты исполнишь обещание?

– В отличие от Азраэля, мне больше нечего терять. У меня нет причин обманывать тебя.

Тут он прав. Я бы еще раз поговорила с Малакаем и, воз-

можно, даже с родителями.

Понимаю: это не самое мудрое решение, но каждому человеку нужна цель в жизни. Обычно женщины в моем возрасте мечтают реализоваться в профессии и построить карьеру, влюбиться, возможно, выйти замуж и родить детей. Ничто из перечисленного меня не привлекает. Однако без цели мое существование не имеет смысла. Марк Твен однажды сказал, что в жизни человека есть только два важных дня. Первый – это день, когда ты родился, а второй – когда понял зачем. Что ж, очевидно, сегодня для меня настал этот день.

– Я тебе помогу, – обещаю, протягивая Сету руку. – Мы вместе будем искать регалии, а потом ты отведешь меня в поля.

Его крепкое рукопожатие кажется надежным, а когда бог мне улыбается, я уже знаю, что приняла верное для себя решение. Вероятно, не самое разумное, но верное.

– Тогда давай посмотрим на письмо, – предлагаю я, чувствуя, как с меня спадает летаргия последних дней. – Интересно, куда оно нас приведет.

Мы встаем. В этот момент грохочет гром и одновременно молния расчерчивает заметно потемневшее небо. Следом раздается ужасный грохот, от которого я вздрагиваю всем телом. Отсюда не виден дом, однако вполне различим звон стекла, а вскоре тучи окрашиваются в ярко-красный цвет. У меня над головой продолжают сверкать молнии, но я способ-

на думать лишь о том, что там, откуда в небо поднимаются столбы огня, находится моя семья. Больше я никого не потеряю, ни за что. Порываюсь броситься туда, но Сет хватается меня за руку и тянет на себя. Не успеваю сообразить, что произошло, как мы оказываемся перед особняком. Он объят пламенем. На миг я теряю способность двигаться. Никого не видно. Слышен лишь треск огня. Внутри Кимми, тетя с дядей, Константин, Гарольд и Селкет. Я должна их спасти. Снова раздается грохот и снова лопаются стекла, а из главного входа валит дым. Я отшатываюсь, когда от нового взрыва обрушивается крыша южного крыла. Это совершенно точно не удар молнии. Проклятые бессмертные, это их рук дело! Устремляю взгляд на фасад. Мне нужно в дом, но там сплошной чад и дым. Возможно, получится попасть внутрь через задний вход. Я перестаю адекватно воспринимать действительность и игнорирую опасность, которая исходит не только от пожара, но и от того, кто за него ответственен. Меня трясет от страха за родных, но в то же время тело переключается в боевой режим.

– Подожди, – перехватывает меня Сет, когда я собираюсь рвануть внутрь. – Смотри.

Не веря собственным глазам, я таращусь на громко кашляющих людей, которые выбегают через переднюю дверь. Мимо них проносится Селкет. Собака не бросила их в беде. Переполненная благодарностью, я падаю на колени, и она лижет мне лицо.

Вся в слезах ко мне подбегает Кимми и обнимает нас с Селкет.

– Без нее мы бы не нашли маму, она такая храбрая, – всхлипывает кузина, и пепел на их с собакой телах смешивается со слезами и дождем.

Константин несет безвольно висящую у него на руках мать.

«О нет, – я прижимаю ладонь ко рту, – пожалуйста, нет».

Дядя Джордж ковыляет следом. Последним выходит Гарольд с какими-то вещами под мышкой. Я бегу навстречу и, когда дворецкий спотыкается, ловлю его. Он тоже весь покрыт сажей, но в остальном невредим.

– Что это такое? – ругаюсь я, крепко его обнимая.

– Мне не удалось спасти все, – выпаливает Гарольд, и лишь тогда становится ясно, что такое он держит. Это предметы старины, которые любил Малакай. Исполняя его волю, в ближайшие дни мы планировали отправить их в Каир. У меня на глаза наворачиваются слезы.

– Ты с ума сошел рисковать ради этого жизнью?!

Я веду дворецкого к Константину, уже опустившему тетю Фиону на мокрую от дождя землю. Кимми кладет голову матери к себе на колени и гладит ее по волосам. Я беру ее за руку. Теплая.

– Что случилось? Она...

Если да, то я кого-нибудь убью. Крепко сжимаю кулаки. Это между мной и бессмертными, тетя Фиона здесь ни при

чем. Чья это работа? Неужели Азраэля? Потому что я ему угрожала?

– Нет, – прерывает мои путанные размышления Константин, – она просто без сознания. – Сняв с себя пиджак, кузен накрывает им мать. – Отойдите в сторону, мне нужно место. Гарольд, достань пару пледов. – Он кивает на гаражи. – В машинах наверняка что-то найдется.

Дворецкий с сокровищами уходит, и дядя Джордж, прихрамывая, следует за ним. Константин отточенными жестами осматривает маму.

– Что стряслось? – спрашиваю у безостановочно шмыгающей носом Кимми, по щекам которой бегут слезы. – Она находилась не с вами?

По-прежнему держу тетину ладонь. Она не умрет. Не имеет права умереть. С таким грузом вины я жить не смогу.

– Мама вернулась в свою комнату, а мы еще сидели в гостиной. – Кимми всхлипывает и, как маленькая, вытирает нос рукой. Выпустив руку тети Фионы, я подаюсь к кухне и сжимаю ее в объятиях. – Мы ее не нашли. Повсюду был дым. Все произошло слишком быстро. А потом я слышала лай Селкет.

Сидящая рядом с нами собака внимательно наблюдает за каждым движением Константина. Тот сначала проверяет жизненные показатели тети, после чего слегка похлопывает ее по щекам. К нашему бесконечному облегчению, она закашливается и вскоре приходит в себя. Кузен помогает ма-

тери сесть, а всхлипы Кимберли становятся громче.

– Все хорошо, мам, – заботливо приговаривает Константин. – Сейчас мы отведем тебя в тепло.

Тетя все еще непонимающе моргает, когда дочь бросается ей на шею. Константин, негромко выругавшись, обнимает их обеих, у него тоже подозрительно блестят глаза.

Уставившись на адское пламя, я стараюсь не заплакать от того, что чувствую себя лишней. Селкет успокаивающе лижет мне лицо.

Постепенно приходит понимание, что, несмотря на проливной дождь, пожар сам собой не потухнет.

– Кто-то намеренно поджег дом, – медленно произносит Сет.

То есть он тоже в этом уже не сомневается. Обняв Селкет, зарываюсь носом в ее шерсть. Она пахнет мокрой собакой, но мне все равно. Руки до сих пор подрагивают от страха. Однако мы все живы, и только это имеет значение. Дом – это просто здание, пусть там сейчас и догорают последние воспоминания о моей семье.

– С чего ты взял? – спрашивает Константин, когда возвращаются Гарольд и дядя Джордж и раздают нам пледы.

– Мы видели это из часовни. В дом ударило несколько молний одновременно, – объясняет Сет. – Огонь распространился слишком быстро, и, кроме того, я чувствую магию.

– Но зачем... – Не закончив вопрос, тетя Фиона заходится громким кашлем. Сет опускается возле нее на колени, и тетя

вздрагивает.

– Я ничего вам не сделаю, – обещает он.

А потом кладет ладонь ей на грудную клетку. Оттуда льется свет, который гаснет так же быстро, как появился. Однако когда Сет убирает руку, тете становится легче дышать.

– Спасибо, – дрогнувшим голосом благодарит она.

– Как удобно. Тебе бы работать со мной в больнице. – Константин достает телефон из кармана брюк. – Я вызову пожарных, иначе, пока они приедут, от поместья ничего не останется.

По моим конечностям вновь пробегает дрожь.

– Письмо Каллисфена. Оно сгорит. – После того как Платон столько лет берег его. Лишь Гарольд и Сет понимают, о чем я. – Надо его забрать.

Прежде чем кто-то успевает остановить, я уже бросаюсь вперед. Через главный вход в дом уже не попасть, поэтому огибаю его по широкой дуге. Если пламя еще не добралось до спортивного зала, можно попытаться войти туда. Кимми кричит что-то мне вслед, но я не оглядываюсь. Лишь улавливаю, как Сет следует за мной. Мы несемся к террасе. Окно на верхнем этаже лопається, и вниз устремляется град осколков. Дернув меня назад, бог вскидывает руку, и стекло отскакивает от нее, словно от невидимого щита.

– Что ты задумала?

– Мне нужно в кабинет. А туда проще всего попасть через эти двери, – указываю на панорамные окна спортзала. Они

полопались, и оттуда на террасу тоже валит дым, но огня нет.

– Давай я принесу письмо. Оно до сих пор в столе?

Я киваю.

– Но я тоже иду.

– Раз ты настаиваешь. – Сет понимает, что я не доверяю ему на сто процентов, но если его это и задевает, то виду бог не подает. – Я пойду первым, если позволишь. Аз убьет меня, как только узнает, что я допустил подобное.

Вряд ли. Впрочем, я все равно рада предложению Сета, потому что густой дым немного меня пугает. Нервным движением поднимаю ко рту воротник своего промокшего платья и, кашляя, шагаю следом. Глаза моментально начинают слезиться. У меня одной не было бы ни единого шанса. Вокруг сплошная гарь, а над головой что-то громко трещит, и я вздрагиваю всем телом. Через пару секунд уже непонятно, ни где ведущая в коридор дверь, ни откуда я пришла. У Сета таких сложностей, похоже, не возникает. Он берет меня за руку и целенаправленно тащит вперед. Как ни странно, в коридоре становится чуть легче, и я вижу очертания нужного нам прохода. Только вот путь до него внезапно кажется мне ужасно длинным. Мы бросаемся туда, и тут же раздается грохот.

– Назад! – орет Сет.

Запертая дверь передо мной взрывается, вылетает из петель и разбивается о противоположную стену. На нас сыпется штукатурка и лепнина. От взрывной волны я падаю на

колени. Дернув в сторону, Сет закрывает меня собой. Однако деревянный обломок все равно вонзается мне в руку, вырывая громкий стон. Когда дом затихает и получается встать, коридор перед нами уже завален. Я в ужасе смотрю на библиотеку, которую собирали наши предки, родители, мы с братом. Книги объаты пламенем. Безумно хочется рыдать от этой утраты, но Сет помогает мне подняться и обхватывает мое лицо ладонями. Они охлаждают горящие от окружающего жара щеки.

– Есть другой путь?

Пальцы не дрожат, Сет абсолютно спокоен, и мое дико колотящее сердце постепенно замедляется. Он переживал и нечто похуже этого пожара.

– Через ход для прислуги, – выдыхаю я. – Вон там, сзади.

Сет снова хватает меня за руку и срывается с места. Лестница ведет на второй этаж, там требуется пересечь галерею и снова спуститься по лестнице на другой стороне. К этому моменту огонь уничтожил практически все, что могло сгореть. Портретов наших предков больше нет, занавески исчезли. Деревянный пол у меня под ногами тлеет, раскаленный до предела.

– Дом вот-вот рухнет, – предупреждает Сет. – Правда хочешь рискнуть?

Мы стоим в конце галереи. Здесь я впервые встретила Азраэля. Витрины разбились. Пусть это безрассудно, но я рада, что Гарольд спас хранившиеся в них сокровища.

В ответ на вопрос Сета я киваю, потому что горло горит от дыма, и бросаюсь вперед. Сет ловит меня сзади, и уже в следующий миг мы оказываемся в противоположном конце галереи. С потолка падают балки. Негромко чертыхнувшись, бог вновь обвивает рукой мою талию и так быстро перемещается среди преграждающих путь обломков и по пылающей главной лестнице, что я различаю лишь очертания и мерцающий свет. На пол он опускает меня только перед самым кабинетом.

Шторы здесь уже загорелись, полки рухнули, причем стеллаж упал поперек стола, продавив собой одну сторону. Все мои бумаги и документы разбросаны по полу. Многие уже обуглились. Невозможно, чтобы причиной подобного стал огонь. Больше похоже на прошедшийся по комнате ураган. Впрочем, я решаю подумать об этом позже.

Сет за два шага преодолевает расстояние до стеллажа. Тот горит, но, несмотря на это, бог поднимает его и сбрасывает со стола.

– Где ключ? – напряженно спрашивает Сет.

Наверняка он способен призвать письмо щелчком пальцев, но не хочет идти против моего решения. Я киваю и спешу к нему, огибая при этом полыхающие стопки книг. Изпод воротника платья вытаскиваю цепочку. На ней сейчас висит не только крест-анх, но и маленький ключик от ящика. Над нами что-то опасно скрипит, и Сет с опаской вскидывает глаза к потолку.

– Поторопись.

Трясущимися пальцами я снимаю цепочку. При виде торчащей из ладони щепки меня начинает мутить. Сглотнув подступившую тошноту, вставляю ключ в скважину и поворачиваю. Однако ящик не открывается. Опять скрип, но на этот раз гораздо громче.

– Застрял, – выпаливаю я и отчаянно дергаю ручку. – Видимо, стол перекосило.

Сет отодвигает меня в сторону, хватает ящик снизу и одним рывком выламывает. В тот же миг лопается последнее уцелевшее стекло. Порыв ветра раздувает огонь и заставляет содержимое ящика разлететься в стороны, но я ловлю конверт, прежде чем он станет жертвой жадных языков пламени. Слышится последний оглушительный треск, и на нас обрушивается потолок. Но я уже в кольце сильных рук. И прижимаю к груди конверт. Что-то оцарапывает мне щеку, пока мы вылетаем через лопнувшее окно. А потом приземляемся на мокрую скользкую траву. Сет накрывает меня собой, и нас обдает волной жара.

– Цела? – взволнованно спрашивает он.

– Вроде да.

– Хорошо, потому что в противном случае твой кузен меня линчует.

Мы поднимаемся на ноги, и в этот момент к нам с пылающим от ярости лицом подбегает Константин.

– Ты всегда была безрассудной! – напускается он на ме-

ня. — Но безумство — это что-то новенькое даже для тебя. — На удивление, кузен сначала притягивает меня в объятия и лишь после осматривает лицо. Хмыкает. — Это лучше продезинфицировать. Возможно, останется шрам. Пойдем, остальные в гаражах. Пожарная бригада уже здесь.

Только сейчас я замечаю толпу народа вокруг. Несколько стоящих перед главным входом пожарных машин заливают горящее здание. Скоро от воспоминаний о моей семье ничего не останется. Теперь у меня есть только то, во что я одета, и конверт с посланием Каллисфена. Если задуматься, рисковать ради него жизнью действительно было безумием, и все же я ни о чем не жалею.

Константин берет меня за руку, и я вздрагиваю, потому что он задел щепку.

— Ох, Тарис, — вздыхает он, профессионально ощупывая рану. Обломок просто огромный. — Ничего не сломано. Сейчас разберусь.

Я поворачиваюсь к Сету. Нахмурившись, он всматривается в небо, с которого теперь лишь слегка накрапывает дождик.

— Ты идешь? — спрашиваю, устремляя взгляд на серые тучи.

— Конечно.

Он покрыт копотью не меньше моего, а на брюках и пижаме красуется целая куча подпалин.

— Спасибо, — благодарю я.

Мы шагаем к гаражам. Я замерзла, горло саднит, а голова разрывается от боли.

– Не мог же я отпустить тебя одну. Я на полном серьезе говорил, что Аз меня за это убьет.

– Это вряд ли, – бормочу я. – Между нами все кончено.

– Я так не думаю, а я знаю его дольше, чем ты.

Я ничего не успеваю ответить, поскольку Кимми уже притягивает меня к своей груди, одновременно рыдая и ругаясь. Приходится отдать Сету конверт, чтобы она не порвала его в порыве ярости.

– Отпусти ее, – велит Константин.

У него за спиной стоит медсестра с медицинским чемоданчиком в руке. Тетя Фиона лежит на носилках, и один из фельдшеров надевает на нее кислородную маску. Дядя Джордж держит жену за руку, с облегчением глядя на меня.

– С ней все будет хорошо, – успокаивает меня кузен, пинцетом извлекая щепку. – Мама отделалась обыкновенной шишкой и наглоталась дыма. Впрочем, не так сильно, как ты. Вам обоим необходимо провести ночь в больнице. Мы сделаем кое-какие обследования легких.

– Забудь.

Я осторожно вдыхаю. Да, мне больно, но из-за этого я не попаду на больничную койку, хоть и всего лишь на ночь. Сет может еще раз провернуть свою волшебную фишку. Малакай так часто лежал в больницах, что у меня развилась настоящая боязнь белых стен.

– Твоя мать хочет в Хайклер, – сообщает дядя Джордж. – Здесь всего два часа езды. Мы вызовем медсестру из местной клиники, когда тут все утрясется. Пару дней она позаботится о маме и Тарис.

Я с благодарностью улыбаюсь дяде, но ехать с ними не собираюсь. Лучше отправлюсь в Лондон. Нет никаких сомнений в том, что пожар как-то связан с письмом. Кто бы ни был в этом виноват, я все выясню. Эти чертовы бессмертные не испортят мне жизнь еще сильнее. И впредь я не стану навлекать беду на своих родных. Без меня им будет безопаснее.

Азраэль

– Пикстон-Парк сгорел дотла и полностью разрушен!

Я стою и открываю вино, когда с этой новостью на кухню врывается Энола. Меня бросает одновременно в жар и в холод. Выскользнув из вмиг ослабевших пальцев, бутылка разбивается о пол, и кроваво-красная жидкость забрызгивает стены и мебель. Я же в два шага подскакиваю к пери.

– Что случилось? Что с Нефертари? Она пострадала?

Как бы то ни было, она жива. В противном случае я бы уже давно об этом узнал. Люди умирают слишком быстро. Вот они полны сил, а в следующее мгновение улыбка гаснет, а душа отправляется в потусторонний мир.

Выражение лица Энолы при взгляде на меня странно пустеет. Ну да, я не поинтересовался ее состоянием, и меня тут же начинает мучить совесть.

– Не пострадала. С ней все хорошо. У Сета все под контролем.

Опершись на кухонную стойку, я делаю глубокий вдох и выдох.

– А Кимми? – Гор щелкает пальцами, и беспорядок исчезает, словно ничего и не произошло. А потом спокойно достает новую бутылку с винной полки и сует мне в руку. – Соberись! Эта девушка пережила нападения демонов, так что пожар ей нипочем. Не станет же она бросаться в огонь. –

Друг ободряюще похлопывает меня по спине.

– Именно это она и сделала, – сухо сообщает Энола. – Кимми тоже в порядке. Она далеко не так глупа, как Тарис. Они вместе с Сетом, ее дворецким и собакой на пути в Лондон. Остальное семейство направляется в Хайклер, но Нефертари наотрез отказалась ехать туда.

– Она... что? – обрываю поток информации, думая, что, должно быть, ослышался.

Энола пожимает плечами.

– Она вернулась в дом, чтобы что-то забрать. Не окажись там Сет, она бы сгорела. Они едва успели выбраться, прежде чем обрушилось здание.

Устремляю полный отчаяния взгляд в небо. Быть не может, чтобы она сотворила подобное. Понимаю, что, отпустив ее, поступил опрометчиво. Нефертари не способна сама о себе позаботиться. Она безрассудна и в корне неправильно оценивает риски.

– Как начался пожар?

Мысленно перечисляю аргументы, почему ей нужно поселиться здесь. Не спущу больше глаз с этой девушки. Неужели она считает, что неуязвима?

– Меня не было рядом с домом, – помедлив, отвечает Энола. – Когда вспыхнул огонь, Сет и Нефертари находились в семейной часовне. Я следила за ней, как ты приказал. В дом ударила молния.

– Я попросил тебя, а не приказал, – рычу я.

– Как скажешь.

Сейчас я не желаю обращать внимание на ее обиды.

– Что такого важного находилось в доме, ради чего она рисковала жизнью?

Сначала в грозу едет в Лондон, потом бросается в горящее здание. Никогда не встречал человека, так настойчиво ищущего собственную смерть.

– Не знаю, но... – Энола делает паузу, – только не бесись. Два дня назад к ней явился неожиданный посетитель.

– Кто? – Пери вздрагивает, потому что мой голос рассекает воздух, словно кнут. Она слишком часто становится свидетельницей моих срывов. Энола не задавала вопросов о наших отношениях с Нефертари, но сейчас точно догадается, если не сделала выводов раньше. Не то чтобы я скрытничал. Все это время мои случайные встречи с женщинами ее не беспокоили, но я почти на сто процентов уверен: Эноле не нравится то, что происходит между мной и Нефертари. Мне и самому не нравится, ведь из-за этого я становлюсь уязвимым. – Кто к ней приходил? – куда более мирно повторяю я.

– Платон!

– Платон?

– Ну, знаешь, чересчур хитрый любовник Гекаты.

– Я знаю, кто такой Платон, – перебиваю я. – Но... он на много веков как сквозь землю провалился. На две тысячи лет, если быть точным. Я думал, он давно мертв.

Как и всех нас, вампиров тоже можно убить.

Энола скрещивает руки на груди.

– Для мертвеца он слишком бодр.

– Должно быть, ты ошиблась, – вклинивается Гор. – Наверняка это просто кто-то очень на него похожий.

– Мальчики, – по Эноле видно, насколько она раздражена, – если я говорю, что это Платон собственной персоной, то так и есть. Ни малейших сомнений. Я находилась перед домом и сразу его узнала. Они с Нефертари довольно долго просидели в кабинете.

– Получается, он так долго прятался и именно сейчас, когда нашелся скипетр, выполз из своей норы? – недоверчиво спрашивает Гор. – Вот это я называю «интересный поворот». И отсюда резонный вопрос: откуда он так быстро обо всем узнал?

Наконец я выдергиваю пробку из бутылки, которую все это время сжимал в руке.

– Он тебя видел?

– Нет, не видел. Однако чего бы он от нее ни хотел, судя по всему, это очень важно. Иначе Платон не держался бы поблизости, рискуя быть обнаруженным.

– Мне это не нравится. – В голосе Гора звучат мрачные нотки. – Этот мужик еще в свою бытность человеком совал нос в дела, которые его не касаются.

– Да быть не может, чтобы он что-то знал о регалиях. Хотя бы предположи мы нечто подобное, давным-давно начали бы его искать гораздо усерднее. А если речь не о регали-

ях, тогда что ему понадобилось от Нефертари? Геката всегда твердила, будто ни разу не виделась с ним после обращения.

– Она соврала ради него, – пожимает плечами Гор. – Неужели тебя это удивляет? Ты же прекрасно разбираешься во вранье.

– Да пошел ты! – рявкаю я, а после делаю глубокий вдох в стремлении успокоиться. – Нужно предложить Кимми и Нефертари пожить здесь, у нас. Для них это самое безопасное место.

– А ты реально шутник! После нашего представления Тарис ни за что на это не пойдет. Тебе придется на коленях вымаливать прощение, прежде чем она согласится снова переступить порог этого дома. И если честно... я хочу на это посмотреть. На ее месте я бы тебе никогда больше не сказал ни единого слова.

– К счастью, ты не на ее месте. К тому же прекрасно знал о моем обещании.

– И с самого начала считал, что это тупая идея, – напоминает Гор.

Тут уже ничего не изменить.

– Не знал же я, в конце концов... – замолкаю на полуслове, поскольку то, что могу сказать в свое оправдание, глупо и поверхностно. Я плохо с ней поступил. Точка.

– Тебе известно, куда она поедет? В отель? – обращаюсь к Эноле.

– Нет, поселится в особняке родителей Кимми.

– А что насчет Сета? Где он остановится?

– Не знаю, – раздраженно фыркает пери. – Позвони ему и спроси, вы ведь так сдружились в Дуате.

Развернувшись, Энола топает прочь из кухни.

– Что я сейчас опять не так сделал? – всплескиваю я руками.

– Без понятия. – Гор протягивает бокал, и я наливаю ему вина. – Ты что-нибудь приготовил?

– Только спагетти алио и олио⁷. – У меня не было настроения делать что-то необычное, но требовалось чем-то себя занять. – Зайду к ней завтра. Присоединишься ко мне? Нужно отговорить ее от идеи мстить. Так нельзя.

– Лучше оставь ее в покое на какое-то время, – советует друг. – Я сам навещу их и прозондирую почву. Ты порой как слон в посудной лавке.

– Нет.

– Да, и еще какой... а вообще, что ты собираешься ей сказать? Сет прав: ты любишь Нейт и хочешь вернуться к ней. Мы все это знаем. Лучше держись от Тарис подальше. Ты только сделаешь ей больно.

– Сомневаюсь. Она злится на меня. Если кому и следует бояться, то как раз мне.

Гор закатывает глаза.

– Вот еще одна причина. У тебя и так хватает шрамов.

⁷ *Спагетти алио и олио* – традиционное блюдо неаполитанской кухни; спагетти с чесноком и оливковым маслом.

Это удар ниже пояса.

– Большое спасибо. Совет требует, чтобы мы нашли другие регалии, и если Платону что-то о них известно, то Нефертари должна нам рассказать.

– Она скорее даст тебе в челюсть, чем что-то расскажет. Ты эпически облажался. Неужели не мог один-единственный раз держать руки при себе, как я с Кимми? Тогда все было бы вовсе не так плохо.

– Очевидно, не мог, – признаюсь и ему, и самому себе. Я близок к тому, чтобы швырнуть бутылку с вином в стену, но беру себя в руки.

– Есть женщины как Адриана и ее подруги, а есть – как Кимми и Тарис, – поучает меня не кто иной, как Гор. – Они разные, словно день и ночь. Можно подумать, они принадлежат к двум разным видам. – Он достает себе тарелку из шкафчика. – Причем я бы не стал утверждать, что один тип лучше, чем другой. К ним просто нужен разный подход.

– А я думал, мне вообще не надо было к ней подходить.

– Это метафора, идиот. Посмотри на нас с Кимми. Мы просто друзья. Мы нравимся друг другу, и на этом все.

Я тяну себя за волосы.

– Честно, мужик, ты еще больший болван, чем я, если в это веришь.

Гор накладывает себе на тарелку порцию макарон.

– Считаешь, что мы не друзья? Я нравлюсь ей, а она – мне. Кимми веселая и умная. Умнее других женщин, с которыми

я когда-либо дружил.

– Это не так уж и сложно, учитывая, что кроме Энолы у тебя никогда не было друзей женского пола, – рычу я.

Друг ненадолго задумывается, а потом чешет в затылке.

– Точно.

– Даю Нефертари три дня, чтобы успокоиться, а потом прихожу. Я больше к ней не притронусь, но и не позволю снова подвергать себя опасности и искать регалии с Сетом и Платоном, просто чтобы насолить мне.

– Как хочешь. – Гор находит в холодильнике пармезан. – Посмотрим что-нибудь вместе?

– Нет. Тебе известно, где прячется Геката?

Я в течение нескольких сотен лет не вспоминал ни о ней, ни о Платоне. И видимо, совершил ошибку. Тем своевольным обращением богиня устроила знатный переполох и с тех пор куда-то пропала.

– Спроси у Аполлона. – Гор бросает мне свой мобильный. – Номер сохранен, если у тебя нет.

– Спасибо. А ты вечно отлыниваешь от неприятных поручений.

– Я не отлыниваю, а делегирую. Жизнь становится гораздо проще, если не быть настолько помешанным на контроле, как ты.

– Очень смешно.

Гор меня уже не слушает. А я стою в пустой кухне и размышляю над его словами. Безусловно, лучше оставить

Нефертари в покое. В конце концов, я так и планировал. Собирался оттолкнуть ее от себя. Но сейчас, когда знаю о визите демонического вампира и прилипшем к ней, словно репейник, Сете, я должен придумать что-нибудь другое. Ситуация совершенно вышла из-под контроля. Дам ей ровно три дня, а затем извинюсь. Я сделаю все, чтобы ее защитить. Снова буду лгать и шантажировать, если необходимо. Пусть ненавидит меня, мне все равно. Важно лишь, чтобы Нефертари ничего не угрожало. Естественно, я к ней никогда больше и пальцем не притронусь. В этом Гор, как ни странно, прав.

Налив себе вина, иду в кабинет. У меня на компьютере собрана внушительная коллекция информации о действиях Платона. Невзирая на это, я ни разу не встречал доказательств того, что он разыскивает регалии власти. Видимо, ему рассказала о них Геката. Неужели она знала что-то, чего не знали мы? Тогда этот человек ловко провел всех нас. Но даже если Платон оказался хитрее нас, он заплатил высокую цену. А факт, что теперь он осмелел и отважился покинуть укрытие, явно означает, что вампир тоже верит: Нефертари способна найти остальные регалии. Приглядывает ли Геката за своим бывшим любовником? С тех пор они не виделись, тут я почти уверен. Она бы не нарушила еще и этот закон, к тому же чересчур велик риск навести нас на его след. Однако это не значит, что она не наблюдала за ним так же, как я буду наблюдать за Нефертари. Зевс тогда должен был сказать

свое слово и заставить богиню выдать Платона. Но он всегда немного побаивался Гекату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.